

ПЕРЕВАЛ

роман

Varpunen Varpunen

Перевал

<https://litres.ru/74680204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять друзей отправляются в зимний поход по Северному Уралу. Впереди — заснеженные горы, суровая тайга и маршрут, который они давно мечтали пройти вместе. Но один из участников неожиданно возвращается домой. Девятеро продолжают путь, не подозревая, что случайная находка и встреча с местными охотниками изменят всё.

Когда туристы исчезают, на поиски выходят люди, которым предстоит разобраться не только в следах на снегу, но и в чужих страхах, ошибках и молчании. Официальная версия не отвечает на все вопросы. А у человека, вернувшегося раньше остальных, остаются фотография друзей и память, с которой придётся жить долгие годы.

«ПЕРЕВАЛ» — психологический роман о дружбе, выборе, вине и цене правды. О том, как легко потерять человека — и как трудно сохранить о нём память.

Все события и персонажи вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми и происшествиями случайны.

Содержание

Глава первая. Десятый	5
Глава вторая. Последнее прощание	30
Глава третья. Чужая лыжня	60
Глава четвёртая. Запретное место	94
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Vaarpunen Перевал

ПЕРЕВАЛ
РОМАН

Глава первая. Десятый

В январе окна институтского туристического клуба промерзали изнутри. По утрам на стеклах вырастали белые папоротники, а к вечеру, когда в подвале собирались студенты, от тепла и дыхания они становились мокрыми. Кто-нибудь непременно проводил пальцем по стеклу, чтобы увидеть улицу: снег у цоколя, подошвы прохожих, колеса трамвая, сыпавшие искрами на повороте. В тот вечер по стеклу никто не водил. Вся компания стояла вокруг стола и смотрела на распоротый шов палатки.

— Он же был целый, — возмутился Виктор Корнеев, словно палатка могла услышать его и затянуть прореху.

— В сентябре был, — ответила Лида Морозова. — Сентябрь прошел четыре месяца назад.

Андрей Белов молча перевернул серое полотнище и показал вторую прореху. У него был тот особенный вид, который друзья называли «руководительский»: губы сжаты, глаза спокойные, и только кончик карандаша, зажатого между пальцами, быстро стучит по столу. Ещё вчера палатка значилась в его тетради как проверенная. Теперь пришлось вычеркнуть галочку.

— Если будем препираться, — сказал он, — она к отправлению так и останется дырявой. Лида, возьмишь швы? Нина поможет. Остальные — ко мне. До поезда трое суток.

На стене за его спиной висела карта Северного Урала. Поверх извилистых голубых речек и коричневых хребтов красный карандаш провел путь от железнодорожной станции через лесозаготовительный поселок, старый рудник и дальше к горе Серебряной. Белова, последнекурсника радиотехнического факультета, в походе называли не начальником, а руководителем. Он не любил командовать напоказ, зато требовал согласия с неизбежным: если на карте есть двести с лишним километров, их придется пройти ногами, а не разговорами.

— Давайте ещё раз по дням, — попросила Нина Соколова, вынимая иглу из бумажного пакетика. — А то мама спросила, где мы будем двадцать девятого, а я ей ответила: «Где-нибудь в снегу».

— Это почти точный ответ, — заметил Михаил Лавров.

— В маршрутной книжке так и запишем, — подхватил Виктор. — «Ночевка где-нибудь в снегу. Питание по обстоятельствам».

Андрей развернул тетрадь. Сначала поезд из Каменска до Зареченска, затем пересадка на северную ветку, Северодольск, автобус до Ярового, попутная машина до Сорокового лесоучастка. Оттуда — старый рудник и лыжня вдоль Тальвы. Станции Андрей перечислял размеренно, делая паузу перед каждой пересадкой. Нина запоминала не названия, а его паузы: когда Андрей говорил о долине Тальвы, голос становился чуть тише. Значит, именно там начиналось неизвестное.

— Если застрянем с пересадкой? — спросил Сергей Орлов, сидевший у печки со снятым лыжным креплением на коленях.

— Есть запас по времени. Но только до Ярового. Дальше расписаний не будет.

— А радиальный выход на Серебряную?

— По погоде. Если ветер — не идем. И никакого голосования.

— Слышали? — сказал Виктор. — Он нам даже поссориться не даст.

Андрей позволил себе короткую улыбку. Он знал, что шутки Виктора полезнее некоторых распоряжений: когда в группе смеялись, люди меньше думали о тяжести будущих рюкзаков. Но он знал и другое. На прошлой зимней тренировке Виктор вышел без второй пары рукавиц и целый день прятал руки под мышками, лишь бы не признаваться в забывчивости. Поэтому списки оставались за Андреем.

В поход собирались десятеро. Кроме Андрея, Виктора, Нины, Лиды, Сергея и Миши, были Елена Ветрова, резкая на слово и отзывчивая на дело, Павел Громов, способный в одиночку поднять мешок картошки и не способный пройти мимо сломанной вещи, Костя Руднев с фотоаппаратом и аккуратно подписанными катушками пленки и Алексей Мионов, тихий студент-механик, который чинил чужие примусы, не требуя ни благодарности, ни свидетелей. Вместе они прошли два летних маршрута, мокли на осенних стоянках,

ругались из-за дежурств и давно научились отличать настоящую усталость друг друга от обычного нытья. Но длинного зимнего маршрута в таком составе у них ещё не было.

В углу Павел потрянул жестяной трубой. Из неё посыпалась ржавчина.

— Это от печки? — спросил он.

— Это то, что от печки осталось, — ответила Елена.

Пропавшую секцию дымохода искали до закрытия клуба. Перевернули ящик с инструментами, вытащили из-под лавки сломанную лыжную палку, нашли две банки сгущенки, о существовании которых никто не помнил. Виктор клялся, что укладывал трубу в деревянный ящик. Деревянных ящиков оказалось четыре, и ни в одном трубы не было. Наконец Алексей, до того молча державший фонарь, попросил показать соединение.

— В заводской мастерской есть лист жести, — сказал он.

— Сделаем новую. Только надо, чтобы кто-нибудь со мной пошёл: после девяти вечера сторож одного не пустит.

— Пойду я, — отозвался Павел. — Все равно за креплениями бегать.

Андрей записал: «Труба — Миронов, Громов». Рядом: «Палатка — девочки». Лида подняла голову.

— Не «девочки», а Лида с Ниной. Елена сейчас будет пришивать криво.

— Я прекрасно пришиваю, — обиделась Елена.

— В прошлом году ты пришила пуговицу к двум полам

куртки сразу.

— Зато не расстегивалась.

Они снова засмеялись. Алексей тоже улыбнулся, но, подняв взгляд на карту, задержался на тонкой красной линии, уходившей за край обжитых мест. Там, где её не пересекали дороги, на бумаге было особенно много пустого светлого пространства. Алексей проследил взглядом линию от старого рудника к хребту и поспешно отвернулся.

На следующий день аудитория освободилась только после обеда. Их временный склад снова открылся, и началась проверка продуктов. Андрей вел раскладку по дням: сухари отдельно от хлеба, крупы — в матерчатых мешочках, сахар — в нескольких пакетах, чтобы случайно не промочить весь запас. Консервы раскладывали на полу рядами; Павел предложил написать на каждой банке, кто её понесет, но Сергей остановил его: распределять будут по весу, а не по любви к тушенке.

— Восемь килограммов сахара, — объявил Миша, сверяясь со своей бумажкой.

— Шесть, — поправил Андрей.

— Семь, и закончим спор миром.

— Ты считаешь, что от сахара зависит успех экспедиции?

— Я считаю, что от несладкого чая зависит количество ссор.

Миша, невысокий, подвижный и всегда немного лохматый, вел походный дневник даже на вылазках выходного дня.

Он мог потерять ложку, зато никогда не терял карандаш. Друзья дразнили его будущим летописцем великих открытий. Миша отвечал, что настоящая история состоит прежде всего из того, кто доел кашу, у кого намокли носки и почему руководитель встал не с той ноги. Андрей ворчал, но без его записей давно перепутал бы даты контрольных тренировок.

В этот раз главным бедствием оказалось масло. В гастрономе возле общежития продавщица сказала, что поступление будет после выходных. Павел предложил заменить масло дополнительным салом; Елена заявила, что на одном сале они начнут хрюкать уже за перевалом. Лида, которая вела хозяйственную часть и знала цену всем этим шуткам, после занятий поехала через город к тетке Елены, работавшей в заводской столовой. Вернулась она затемно с завернутым в бумагу свертком и маленькой историей: тетка потребовала сначала объяснить, зачем десятерым молодым людям понадобилось лезть зимой в горы, а потом сама добавила к покупке две пачки чая.

— Для благоразумия, — передала Лида её слова.

— Благоразумие у нас по граммам не разложено, — сказал Андрей.

— Так разложи, — посоветовала Нина.

Подготовка тянулась до ночи. В тесной комнате то и дело кто-нибудь наступал на растяжку, путал свои варежки с чужими или обнаруживал, что для давно придуманного решения не хватает самой маленькой детали. У печки сохли тка-

невые мешочки; на столе лежали иголки, мотки ниток, ремни и коробка гвоздей. Над всем этим покачивалась лампочка, на время превращавшая клуб в мастерскую, где строили не палатку, а надежду на то, что север примет их без лишних придинок.

Алексей вернулся из мастерской позже остальных. В руках у него была новая секция трубы с аккуратно загнутым краем. Павел, сопровождавший его, сразу стал рассказывать, как пришлось уговаривать сторожа и как токарь сначала отказался включать станок, а потом сам подсказал, где лучше поставить заклепки. Алексей не перебивал. Поставил секцию на стол, соединил с соседней и чуть повернул. Труба села плотно.

— А говорил, к вечеру не успеешь, — заметил Костя.

— Я говорил, постараюсь.

— Разница существенная, — сказал Андрей и наконец поставил галочку напротив печки.

Позже, когда остальные разошлись, Алексей остался помочь унести в кладовку инструменты. Белов свернул карту и попросил придержать край.

— Ты ведь раньше на Тальве не был? — спросил Андрей.

— Нет. Только до Каменного увала доходил.

— Не переживай. Первые два дня тяжело, потом вытягиваешься.

— Я не переживаю.

Это прозвучало слишком быстро. Андрей посмотрел на

товарища, но тот уже занимался дверным замком. Ничего необычного в Алексее не было: такой же спокойный, обстоятельный, слегка упрямый. Только пальцы, когда он задвигал засов, почему-то скользнули мимо железной петли.

На улице было тихо. Снег лежал на трамвайных рельсах и не таял даже там, где днем проходили вагоны. Алексей шел к общежитию медленнее обычного, хотя спешить ему было некуда. Он думал не о холоде и не о снаряжении. В последнее время ему несколько раз снился один и тот же сон: он стоит среди деревьев, за которыми ничего не видно, и слышит, как где-то далеко кто-то зовет его по имени. Самого голоса он не мог вспомнить после пробуждения. Да и во сне не происходило ничего страшного. Неприятным было лишь то, что он точно знал: отвечать нельзя.

Алексей презирал суеверия. В детстве его отец, железнодорожный слесарь, любил повторять, что любой непонятный стук нужно искать ключом, а не молитвой. Этому правилу Алексей старался следовать. И всё же каждый раз, когда он представлял себе дорогу дальше старого рудника, у него возникало нелепое желание сказать: «Давайте не в этот раз». Такое не скажешь людям, которые месяцами готовились, отпрашивались с занятий и сэкономили деньги на билетах. Поэтому Алексей решил молчать.

Двадцать третьего января они встретились у главного корпуса института. С самого утра над городом висело низкое небо, и снег сыпался мелко, как просеянная мука. На ступе-

нях толпились родственники и случайные зрители. Десять рюкзаков и связки лыж придавали обычным проводам почти экспедиционную торжественность. У каждого за плечами был рюкзак, к каждому рюкзаку что-нибудь привязали сверх меры. Костя нес фотокамеру в коричневом футляре, который то и дело бил его по бедру. Виктор явился с мандолиной в потертом чехле. Андрей заметил инструмент сразу.

— Мы договаривались: только необходимое.

— Именно, — серьезно ответил Виктор. — Нам необходима музыка.

— А если придется оставить что-нибудь из продуктов?

— Тогда будем есть песни.

Мать Нины в третий раз поправляла дочери шарф и спрашивала, зачем на свете нужны горы, если в них столько холода. Елена уговаривала младшего брата не принимать всерьез рассказы Павла о медведях. Лида проверяла, всем ли выдали по запасной паре рукавиц, хотя по общему плану эта обязанность давно была выполнена. Сергей, бывший заводчанин и самый старший из компании, уладил возникшую путаницу с лыжами: чужая пара отличалась лишь почти стершейся красной полоской на носках. Миша стоял в стороне и старательно записывал происходящее, вызывая у родных смех и удивление.

Белов пересчитал людей по фамилиям. Миронов откликнулся последним, хотя стоял ближе остальных. Никакой боли у него не было, но, услышав собственное имя, он по-

чему-то ощутил облегчение, словно его ещё можно было вычеркнуть из списка. Через минуту облегчение сменилось стыдом. Он поправил ляжку и громче всех предложил идти к трамваю.

Дорога до вокзала обернулась небольшим испытанием. В переполненный вагон с лыжами впускали неохотно; пожилая женщина заметила, что туристы загородили проход, и Павел, извиняясь, всю дорогу держал связки над головами. Виктор пытался уступить место человеку с чемоданом, но, прежде чем уселся, тот произнес целую лекцию о том, как опасно ездить в январе куда-то севернее Каменска. Сергей дослушал лекцию без возражений. Только когда незнакомец вышел, он произнес:

— Главное, чтобы он был прав насчет хорошей погоды к возвращению.

На вокзале пахло угольным дымом, мокрыми валенками и крепким чаем из буфета. Над головами хрипел громкоговоритель. Туристы выстроили рюкзаки вдоль стены, сняли тяжелую одежду и немедленно заняли половину свободной скамьи лыжами. Белов ушел узнавать платформу; вернувшись, обнаружил, что Виктор уже разговаривает с незнакомым парнем, а Нина спорит с девушкой в красной вязаной шапке о том, сколько градусов выдерживает обычный шерстяной свитер.

Оказалось, рядом расположилась другая туристическая группа. Ее руководитель Николай Шестаков прежде встре-

чался с Андреем на областных соревнованиях. Шестаков вел своих ребят к Каменному озеру, куда они собирались выйти другим путем. До Зареченска им предстояло ехать одним поездом, и известие мгновенно превратило ожидавших в единую шумную компанию. Рюкзаки передвинули ближе, сравнили списки продуктов, обменялись советами насчет креплений. Андрей не без зависти разглядел у соседа новую пилу. Шестаков, в свою очередь, долго расспрашивал об их самодельной печке.

— Работает? — спросил он.

— Проверили дважды.

— Зимой у самоделок характер появляется.

— У людей тоже, — заметил Сергей.

Поезд подали с опозданием. У дверей началась суматоха; на ступеньках спотыкались, лыжи цеплялись за поручни, проводница требовала не задерживать посадку. Когда наконец все устроились на местах, Андрей долго ходил по вагону и проверял, не остался ли чей рюкзак в тамбуре. Виктор успел перезнакомиться с половиной пассажиров. Миша сделал запись о «первых трудностях пути»: двадцать минут искали свободное место для мандолины, которую в конце концов положили поверх багажа, где она всю ночь грозила свалиться кому-нибудь на голову.

Когда вагоны дрогнули и огни Каменска поплыли назад, в купе стихли разговоры. Лида смотрела сквозь стекло на знакомые кирпичные дома и трубы заводов. Нина попроси-

ла Костю сфотографировать их всех, но тот объяснил, что пленку лучше беречь для гор. Она обиделась ровно на три минуты, затем выпросила у Павла кусочек шоколада. В соседнем отсеке ребята Шестакова распевали песни. Постепенно разговоры снова стали громкими.

Спать, несмотря на усталость, почти никто не мог. Поезд покачивался, за окном проходили редкие огни, а слова, сказанные шепотом, казались важнее дневных. Сергей рассказывал Павлу, как однажды на тренировочном переходе им пришлось сушить мокрые портянки всю ночь, и слушатели никак не могли решить, что в истории смешнее — сама неприятность или невозмутимость рассказчика. Нина спросила Андрея, не боится ли он, что погода сорвет их планы. Он помолчал и ответил:

— Боюсь не погоды. Боюсь, что кто-нибудь постесняется сказать, когда ему тяжело. Вот этого никогда нельзя делать.

Алексей сидел у окна, держа на коленях книгу, которую не открыл с момента отправления. Он слышал каждое слово. Ему хотелось спросить Андрея: а что, если человеку тяжело не физически? Если нет ни одного разумного довода, кроме внезапной уверенности, что вперед идти нельзя? Но вместо этого Алексей посмотрел на отражение своего лица в темном стекле. Оно казалось чужим, наложенным на бегущие деревья.

Поздно ночью он задремал и почти сразу проснулся от собственного резкого движения. Приснился опять лес, но на

этот раз никакого голоса не было. Где-то впереди в темноте мерно стучал один ствол о другой. Алексей выпрямился, услышал настоящие удары колес на стыках рельсов и долго не мог понять, отчего сердце бьется так быстро. Он списал всё на усталость. Решил совершенно твердо — до следующей минуты, когда снова захотелось выйти из поезда.

В Зареченск прибыли утром, уже при дневном свете. На перроне мороз хватал за щеки так, что даже Павел, большой любитель объявлять любую непогоду «бодрящей», впервые натянул шапку до бровей. До следующего поезда оставалось много часов. Камера хранения оказалась переполнена, и весь отряд на время застрял между залом ожидания и буфетом, окруженный багажом. Андрей успел рассердиться на порядок пересадок, Шестаков — познакомиться с дежурным по станции, а Елена — раздобыть адрес ближайшей школы, где, по словам доброжелательной пассажирки, иногда пускали отогреться приезжих спортсменов.

Директор школы встретил их недоверчиво. Он стоял в коридоре с тетрадью под мышкой и поочередно разглядывал лыжи, мандолину и покрасневшие носы. Андрей изложил просьбу четко: ненадолго оставить вещи, вскипятить воду, никому не мешать. Мужчина спросил, не могут ли они заодно рассказать детям о путешествиях. «Могут», — ответила Лида прежде, чем Андрей успел отказаться, и через полчаса Павел уже стоял перед классом с рюкзаком, растерянный больше, чем перед самым сложным перевалом.

— А ночью в лесу не страшно? — спросила девочка с большой белой лентой в волосах.

— Когда все рядом, не очень, — сказал он.

— А если потеряетесь?

Павел посмотрел на Андрея, который стоял в дверях.

— Для этого у нас есть руководитель. И карта. Но лучше, конечно, не теряться.

Класс засмеялся. Потом дети по одному трогали меховые рукавицы, рассматривали компас и никак не верили, что десять взрослых могут спать в одной палатке. Когда школьный звонок позвал их на следующий урок, ребята долго махали гостям из окон. Лида сказала, что это была самая теплая остановка за все время сборов.

Пока одни отдыхали, другие ходили по магазинам. Миша нашел почтовое отделение и отправил открытку матери. Андрей купил ещё два коробка спичек, хотя общий запас был достаточным: лишний огонь на маршруте его никогда не раздражал. Костя приобрел конверт для проявленных снимков и уже представлял, как после возвращения разложит фотографии на столе. Алексей зашел в аптеку, долго рассматривал полки и вышел с небольшим пакетиком обезболивающих таблеток. На самом деле таблетки ему были не нужны. Он купил их от стыда — словно хотел заранее подготовить доказательство болезни, которой ещё не придумал.

Вечером туристы вернулись на станцию. Группа Шестакова уходила своим поездом раньше. Прощание получилось

шумным: обменивались адресами, обещали принести фотографии в институтский клуб, спорили, кто пройдет маршрут быстрее. Возле станционных часов Костя всё-таки пожертвовал кадр пленки на общую фотографию. Нина в последний миг подняла руку с варежкой, и все уверяли, что на снимке она непременно заслонит половину лиц. Шестаков крепко пожал Андрею руку и уже серьезно попросил не нарушать контрольных сроков.

— Вернемся — сразу дадим телеграмму, — пообещал Белов.

— Вот и хорошо. Горы никуда не уйдут, если опоздаете на вершину.

— Это я своим каждый день говорю.

— Значит, повторяй ещё чаще.

Алексей стоял рядом, но думал о другом: здесь, на станции, ещё можно было купить обратный билет, позвонить домой, придумать причину и перестать притворяться перед самим собой. Однако поезд подошел, ребята засуетились, и момент исчез. Он поднял рюкзак и вслед за всеми вошел в вагон.

Северная ветка встретила их тишиной и неудобствами. Вагон был тесный; у окна сквозило, на полке не хватало места для вытянутых ног. После суматошного первого переезда разговоры стихли. В Северодольск они прибыли на рассвете, а дальше их ждал старый автобус. Водитель, увидев связки лыж, хотел было отказать, но Павел нашел в багаж-

ном отделении веревку, и общими усилиями снаряжение закрепили так, чтобы оно не мешало пассажирам. Андрей сел впереди, рядом с водителем: ему хотелось расспросить о дороге в Яровое.

За окном город быстро сменился избами, затем вырубками и тяжелым лесом. На одном участке автобус так сильно накренился в промерзшей колее, что Елена схватила Виктора за рукав и объявила, что при следующем толчке будет выходить пешком. Виктор возразил, что идти в таких условиях она сможет только вслед за автобусом: впереди неизвестно куда ведет дорога. На остановке пожилая пассажирка, узнав об их планах, только покачала головой: «Дома у вас тепло, а вы сами мороз ищете». Никто не нашелся с ответом лучше, чем Павлово «Так интереснее».

Яровое оказалось поселком с несколькими длинными улицами, печными трубами и настороженными собаками, встречавшими автобус лаем. Комната при местной конторе, куда их направили на ночлег, была низкой и тесной. Железная кровать досталась девушкам, остальные устроились на полу, подложив под себя одежду. Доски скрипели от любого движения. Ужинали хлебом, тушенкой и кашей, сваренной на общей кухне. Никогда прежде обычная горячая каша не казалась им такой вкусной: от неё шел пар, кружки согревали ладони, а за окном ветер шуршал снегом по стене.

Перед сном Андрей устроил короткое совещание. На следующий день нужно было найти попутную машину на Со-

роковой лесоучасток; дальше им обещали старую дорогу, но никто точно не знал, в каком она состоянии. Сергей предложил не рассчитывать на транспорт слишком уверенно и держать день в резерве. Андрей согласился. В разговор вмешалась Елена:

— А можно в резерв ещё один час сна? Я за поездку старше на три года стала.

— Тогда тебе придется идти домой уже взрослым человеком, — ответил Виктор.

Смеялись тихо: за стеной отдыхали рабочие. Алексей сидел на полу, прислонившись к рюкзаку, и смотрел на их лица. При свете лампы он вдруг начал разглядывать лица друзей с непонятной ему жадностью: цвет волос Лиды, шрам у Павла на подбородке, привычку Кости щуриться, когда он оценивает освещение. Мысль была настолько неприятной, что он встал и пошел умываться ледяной водой.

Утром грузовик всё-таки нашелся. Везли на лесоучасток продукты и запасные части, и водитель согласился подбросить туристов, предупредив, что за удобства не отвечает. В кузове пахло досками, холодным металлом и мешковиной. Каждая яма отзывалась под ребрами. На поворотах приходилось держаться за борт, а Павел несколько раз возвращал на место рюкзак, который настойчиво путешествовал по кузову отдельно от хозяина. Костя пытался фотографировать из-под брезента, но всякий раз, когда он поднимал аппарат, машина подпрыгивала. Наконец он сдался и пообещал снять

дорогу на обратном пути.

К обеду появились первые штабеля бревен, затем конюшня и низкие рабочие бараки. Сороковой участок шумел даже в мороз. От лесопилки тянуло свежими опилками, во дворе скрипели полозья саней, из открытой двери столовой пахло капустой. Начальник участка Жаров, крепкий широколицый мужчина, выслушал объяснения Андрея и разрешил ночевать в свободной комнате барака. Он спросил, зачем им Серебряная в январе, и, услышав про категорию сложности и тренировку, коротко хмыкнул. Не насмешливо — скорее с привычным удивлением человека, который всю жизнь ходил по лесу не ради приключений, а ради работы.

После дороги горячие щи и картошка казались настоящим пиршеством. Повариха, которую все звали Петровной, велела им брать хлеб не стесняясь. Павел помог перенести из сених дрова; за это ему досталась дополнительная тарелка. Миша расспрашивал рабочих о местных речках и записывал названия, пока один лесоруб не заметил, что половину их все равно не найдешь на карте. Костя показал фотографии из прошлогоднего похода. Петровна, вытирая руки о фартук, долго разглядывала палатку среди летних сосен. Потом спросила, как они собираются ставить её зимой. Пришлось доставать из рюкзака схему печки и объяснять устройство растяжек.

Когда разговоры стали тише, Жаров разложил на столе старую карту. От Сорокового к Старому Руднику когда-то

ходили сани с грузом; теперь дорогу чистили редко. Утром возчик Фёдор мог довезти часть вещей, но обратно ему нужно было возвращаться засветло. Жаров ткнул толстым пальцем в линию Тальвы и предупредил, что за рудником легко сбиться с направления: просеки заросли, старые зарубки на деревьях почти не видны. Потом добавил, что в этих местах работают промысловики из дальних стоянок, и попросил туристов не трогать охотничьи лабазы, ловушки и оставленные вещи.

— Мы чужого не берем, — ответил Андрей.

— Хорошо, если так. Там у людей вся зима на одном запасе держится. Для вас находка, а для них хлеб.

— Учтем.

В словах начальника не было ни угрозы, ни загадки. Он говорил о лесе так же, как механик говорит о работающем станке: у каждой вещи свое место, и ошибка чужака может обойтись дорого. Но Алексей, слушавший у печки, запомнил разговор почти дословно. Когда Жаров свернул карту, Миронов спросил:

— А бывали здесь случаи, чтобы люди уходили в горы и не возвращались?

В комнате ненадолго стало тихо. Петровна поставила кастрюлю в мойку с таким стуком, что все обернулись.

— Всякое бывало, — ответил Жаров. — Но чаще потому, что торопились или погоду не слушали. Горы — не место для спешки.

Андрей посмотрел на Алексея с легким удивлением. Тот опустил глаза и принялся застегивать уже застегнутый чехол фотоаппарата Кости.

Ночевали в бараке. Рабочие освободили для гостей длинный стол, а потом принесли из соседней комнаты несколько матрасов. В печи ровно гудел огонь. За стеной кто-то кашлял, в коридоре скрипели половицы, с улицы временами доносилось ржание лошади. Виктор достал мандолину, но сыграл всего пару мелодий: у всех уже слипались глаза. Сергей долго сушил возле печи промокшие рукавицы, Андрей перелистывал маршрутную книжку, а Миша записывал описание лесопилки, выбирая между словами «огромная» и «внушительная». Лида посоветовала ему записать, сколько раз Павел за день потерял шапку. Получилось три, хотя Павел настаивал на двух.

Алексей лежал на матрасе возле двери и ждал сна. Он пытался убедить себя, что после хорошего отдыха его нелепая тревога исчезнет. Вместо этого она стала спокойнее и отчетливее. Здесь, за лесопилкой, заканчивались пути, по которым возвращались обычные люди; дальше каждый километр был бы решением, которое сложнее отменить. Будущая дорога представлялась ему не маршрутом, а приближением к событию, в котором ему почему-то уже не находилось места. Он понимал, как смешно это звучало бы вслух. Поэтому лежал неподвижно и внимательно слушал дыхание друзей.

Утром Фёдор, возчик с седыми усами, сказал, что сможет

выехать только после обеда: нужно сначала отвезти сено на кордон. Задержка всех раздражила, но Андрей велел использовать время с пользой. Вещи вынесли во двор и ещё раз пересчитали; Лида перераспределила продукты, чтобы у двух самых легких рюкзаков появился запас на случай непредвиденной остановки. Костя снял лесопилку и лошадей у конюшни. Павел помог рабочим разгрузить телегу, а потом долго отмывал руки от смолы. Виктор завел разговор с молодым лесорубом и обменял несколько институтских баек на историю о том, как однажды зимой в склад зашел лось и чуть не разнес дверь.

Алексей провел утро в мастерской. Там нашлись тиски, молоток и обломок старой железной полосы. Он поправил погнувшуюся пряжку на рюкзаке Нины и починил замок ящика с инструментами. Работа давалась легко, и это было почти обидно: руки были крепкими, голова ясной, спина не болела ни секунды. Когда он выходил из мастерской, на двери блестела новая петля, которую он поставил за двадцать минут. Он посмотрел на неё с неприязнью. С замком и железом всё было ясно: неисправность можно было увидеть и исправить. С собственной тревогой Алексей не знал, что делать.

Перед отъездом Жаров вышел проводить их к саням. Фёдор, не торопясь, крепил мешки ремнями. Лошадь переминалась в сугробе и поводила ушами. Андрей уточнил у него направление и примерное время пути. Жаров снова посове-

товал не держаться за вершину любой ценой. На прощание Петровна вынесла завернутые в полотенце горячие лепешки. Виктор заявил, что теперь готов пройти хоть весь Урал, но первую лепешку съел ещё до околицы.

По старой дороге ехали и шли попеременно. Сани скрипели, упряжь звенела негромко, снег под лыжами отдавался сухим хрустом. Сначала все держались возле Фёдора и расспрашивали о руднике. Потом цепочка растянулась: Андрей ушел вперед проверять удобный участок, Сергей замыкал движение, а посередине то вспыхивали, то затихали разговоры. На одной поляне Елена провалилась лыжей в рыхлый снег почти до колена и потребовала внести это место в карту как «болото Ветровой». Миша пообещал, что так и сделает, если она повторит научный опыт на обратном пути.

Ближе к вечеру лес стал плотнее, небо между макушками потемнело до стального цвета. Старую дорогу здесь трудно было отличить от пространства между деревьями. Фёдор ехал уверенно, узнавая повороты по приметным елям и низкой сопке слева. На коротком привале Костя сфотографировал остальных у саней. Андрей наклонился к карте, Павел держал лошадь за уздечку, девушки пили чай из общей фляги. Алексей остался за кадром: присел над лыжным креплением и долго возился с исправным ремнём. На самом деле он смотрел на уходящую за спины друзей дорогу и прикидывал, сколько часов нужно, чтобы вернуться по ней одному.

Старый Рудник показался, когда уже начинало темнеть.

Несколько заброшенных строений стояли среди сугробов, напоминавших застывшие волны. Одна избушка ещё годилась для ночлега: дверь висела ровно, в окне уцелели стекла, внутри была печка. Павел и Сергей разгребли снег у входа, Костя осмотрел крышу, а Алексей занялся дымоходом. Дрова нашли под навесом — отсыревшие снаружи, но ещё сухие в середине. Спустя час в комнате запахло дымом и горячей кашей. Вещи повесили сушиться, лыжи поставили у стены; Фёдор занял место ближе к двери, чтобы ночью слышать лошадь.

За ужином Андрей ещё раз объяснил порядок движения. Наутро они заберут общественное снаряжение с саней, распределят остаток груза и выйдут вверх по Тальве. Фёдор повернет обратно, когда увидит, что все готовы. До ближайшего жилья оттуда будет уже далеко; главное — не растягиваться и не скрывать усталость. Нина попросила разрешения вести часть маршрута по компасу. Андрей согласился при условии, что Сергей будет сверять направление. Все начали обсуждать, кто с кем пойдет первым, и разговор затянулся до тех пор, пока Фёдор не попросил их оставить хоть немного тишины лошади и самому себе.

Алексей сидел в дальнем углу с кружкой чая. Вокруг шумели друзья, топилась печь, были слышны шаги по доскам — всё было обычным. Эта обычность и мучила сильнее всего. Для них завтрашний день был продолжением вчерашнего; для него он казался чертой, за которую нельзя пересту-

пать. Он вспомнил вечернюю запись Миши, сделанную на станции: «Начинается настоящее путешествие». Возможно, настоящим путешествием был уже весь путь до этого места. И он имел право закончить его здесь. Но как объяснить?

Ночью Алексей не спал. Он лежал неподвижно и перебирал причины, которые могли бы звучать правдоподобно. Семейная телеграмма — слишком легко проверить. Забытая важная вещь — Андрей найдет замену. Простуда — Лида даст таблетки и велит лечь ближе к печке. А вот спина... В институте все видели, как он однажды поднял тяжёлый ящик. Тогда он лишь неловко поморщился, хотя ничего не повредил. Сергей ещё спросил, не потянул ли поясницу. Алексей отшутился. Теперь та давняя неловкая гримаса могла послужить объяснением возвращения.

Ему стало противно от собственной находчивости. Он сел, осторожно, чтобы не разбудить остальных, натянул свитер и вышел на крыльцо. В морозном воздухе было трудно дышать. Над крышей медленно двигались звёзды. От конюшни тянуло сеном, а где-то в стороне глухо стукнула плохо закреплённая доска. Алексей прислушался и заставил себя улыбнуться: вот он, стук из сна, всего лишь доска на ветру. Мир не подавал никаких знаков. Знаки придумывал он сам. Он вернулся в избу, лёг рядом с товарищами и закрыл глаза. Утром ему предстояло произнести ложь, которая откроет дорогу домой. И чем дольше он об этом думал, тем сильнее боялся не того, что ему не поверят, а того, что по-

верят сразу.

Глава вторая. Последнее прощание

Фёдор не любил, когда лошадь долго стояла запряжённой на морозе. Она начинала переступать ногами и трясти головой, а когда Фёдор наклонялся к хомуту, дышала ему в воротник тулупа и смотрела на хозяина с таким терпеливым укором, будто тот нарочно задерживал дорогу. Лошадь звали Зорькой, и от её тёмной спины поднимался лёгкий пар. На верёвке у оглобли уже побелел иней. Фёдор дважды выходил из избы посмотреть на упряжь и дважды возвращался с одним и тем же вопросом: «Вы там скоро?» Отвечать ему было некому. Все были заняты делом, которое не входило ни в один из тщательно составленных Беловым списков: учились отпускать человека, с которым ещё вчера собирались пройти весь маршрут.

В избе не умолкали голоса. Павел, стоя на коленях возле раскрытого рюкзака, пытался утрамбовать в него мешочек с сухарями, доставшийся от Алексея. Мешочек не входил, как ни надавливай. Павел сердился, вытаскивал из рюкзака свитер, перекладывал котелок, снова брался за сухари. На печи вскипал чайник, крышка подпрыгивала с тонким дребезгом. В дверях то и дело возникали чьи-то плечи, и вместе с человеком внутрь вваливался мороз, несущий запах сырых дров и конского пота. Над всем этим, как над шумной мастерской, возвышался голос Андрея: он просил не класть

продукты поверх спальных вещей, напоминал о запасных варежках и искал карандаш, который куда-то пропал. Карандаш лежал у Алексея в кармане — короткий, отданный Виктором на счастье. Алексей трогал его сквозь ткань и не напоминал об этом, боясь, что друзья потребуют вернуть чужую удачу тому, кому она нужнее.

Утром, когда он наконец сказал Андрею о якобы больной спине, всё произошло слишком быстро. Белов выслушал, вызвал Сергея, а затем, как всегда в трудных случаях, превратил беду в последовательность выполнимых задач. Если человек не идёт, надо перераспределить груз; если возвращается с возчиком — сообщить об этом на участке; если группа уменьшается, пересмотреть расход продуктов. В этих делах Андрей держался уверенно, и Алексею оттого становилось только тяжелее. Он думал, что будет достаточно произнести несколько слов и получить разрешение уехать, но никак не ожидал, что за этими словами последует столько доброты, хлопот и чужой работы.

— Вот теперь войдёт, — сказал Павел, всем телом навалившись на рюкзак. Застёжка щёлкнула. — Если я к концу похода стану ниже на вершок, виноват Миронов.

— Будешь ниже, зато шире, — отозвалась Елена. Она сидела у окна и зашивала лопнувшую петлю на варежке Нины. — Наша экспедиция вернёт науке новый вид человека: Павел Громов, переносной склад.

Павел поднял голову и показал ей язык. Все засмеялись, в

том числе Алексей. Он почувствовал, что смеётся слишком громко, и замолчал прежде остальных.

Лида подошла к нему с жестяной коробкой. Они стояли у полки, на которой ещё вчера лежали десять кружек, а теперь осталось девять; свою Алексей уже уложил в сумку. Лида открыла коробку и высыпала на ладонь несколько таблеток, завернутых в бумагу.

— Возьми на дорогу. Там, на участке, ещё неизвестно, найдёшь ли врача.

— Мне не нужно, Лид. Я доеду.

— Это решать не тебе. Возьми.

Он взял, стараясь не коснуться её ладони. В институтском клубе Лида могла часами спорить с руководителем о неправильной раскладке, но в походе никогда не спорила из желания оказаться правой. Она безошибочно замечала, кто устал, кто замёрз, а кто потерял рукавицу. Для неё его болезнь была настоящей, и он видел, как тщательно она сдерживает раздражение на его прежнее молчание. Алексей едва не признался, что боль выдумана. Он не мог объяснить Лиде своего страха — и потому молчал. Он уже приоткрыл рот, но услышал, как у печи Андрей просит перевязать общую верёвку, и испугался собственного признания сильнее, чем незнакомого леса.

— А письма? — спросила Лида.

— Какие письма?

— Ты же говорил, что напишешь матери, когда выйдем на

лыжню. Теперь сможешь раньше.

— Напишу, — сказал Алексей. — Как доберусь.

Она закрыла коробку, но не ушла.

— Лёш, ты ведь очень хотел идти.

Он поднял глаза. От этой простой фразы Алексею стало стыднее, чем от упрёка.

— Хотел, — ответил он. За всё утро это были самые правдивые его слова. — Очень.

За дверью Фёдор глухо стукнул каблуком по ступеньке. Ему не терпелось в обратный путь: до лесозаготовительного участка ещё нужно добраться засветло, а на старой дороге между валежником и перемётами лошадь шла медленно. Андрей вышел к нему и вернулся через минуту с красными щеками.

— Ещё четверть часа, — объявил он. — Потом идём. Не будем заставлять человека ждать.

Четверть часа показалась им ничтожным сроком. Елена опустила варежку, Нина перестала копать в чехле, даже Павел не придумал шутки. Время, которое всю дорогу тянулось от станции к станции и от поворота к повороту, вдруг сжалось до нескольких минут. В эти минуты нужно было успеть сказать человеку всё то, что обычно откладывают до следующего вечера, до следующей встречи, до случая, когда никто не торопится.

Сергей Орлов занялся грузом, как собирают в дорогу младшего брата: без лишних слов, проверяя каждый узел.

Он поправил Алексею воротник, показал, как лучше уложить сумку на санях, проверил узел, которым Фёдор притянул запасное покрывало. Потом отвёл его к стене, где их никто не слышал.

— Уезжать не стыдно, — произнёс Сергей. — Стыдно было бы промолчать и свалиться через три дня. Правильно сделал, что сказал.

Алексей сжал губы. Сергей был старше, служил в армии, редко тратил слова без пользы. Алексей думал, что любое замечание он пережил бы легче, чем эту спокойную похвалу.

— Я понимаю, — выговорил он.

— Документы у тебя? Деньги отдельно? На обратном пути поезд может задержаться, не трать сразу все на буфет.

— Всё у меня есть.

— И напиши Андрею, как доедешь. Он будет думать.

Сергей тронул его за локоть и вернулся к общей куче вещей. Алексей смотрел ему вслед. Вот так легко, без торжественной речи, человек возложил на него обязанность быть честным хотя бы потом: сообщить, что добрался. Он решил, что напишет обязательно, и даже подумал, какими словами. «Доехал нормально. Со спиной лучше». Вторая фраза была ложью, и он ещё не успел уехать, а уже готовил следующую.

Под окном обнаружилась неожиданная проблема: не хватало маленькой жестянки для лыжной мази. Нина уверяла, что положила её у печи; Павел говорил, что видел рядом с пилой; Андрей несколько раз перелистал тетрадь, хотя пре-

красно знал, что в тетради жестянка не появится. В конце концов коробку нашли в сумке Алексея: вчера он взял её, чтобы подтянуть крышку, и забыл вернуть. Ничего страшного не произошло, но Алексей почувствовал почти благодарность к этой маленькой ошибке. Она давала повод ещё минуту побыть полезным. Он достал складной нож, поджал выступающий край жести и передал Нине коробку, которая теперь закрывалась с приятным тугим щелчком.

— Видишь, — сказала Нина, — без тебя мы замёрзнем намертво. Кто нам ещё всё будет чинить?

— Костя починит, — ответил он.

— Костя снимет на плёнку, как мы замерзаем.

Из дальнего угла донёсся возмущённый голос фотографа:

— Я вас, между прочим, хорошо снимаю.

— Вот это и пугает, — сказала Елена.

Они заговорили разом, перебивая друг друга, и снова стало похоже на обычное утро похода. Но когда смех оборвался, оказалось, что тишина после него гуще прежней. Алексей оглянулся на комнату, стараясь сохранить в памяти мелочи: подгоревшее пятно над печкой, белую полосу света на полу, обломанный зубец у расчески Виктора, лежавшей возле рукавицы, металлическую кружку с отколотой эмалью. Алексей не знал, зачем удерживает в памяти такие мелочи. Но запоминал: кто где сидел, чья кружка стояла у печи, кто смеялся первым.

Михаил Лавров присел рядом с сумкой Алексея и достал

тетрадь в потёртой клеёнчатой обложке.

— Слушай, я хотел тебя попросить об одном деле. У меня здесь адрес сестры. Отправь ей открытку, что мы добрались до Старого Рудника. Я написал, только конверта нет.

— Давай.

Михаил вырвал аккуратный листок. На нём сверху значилось: «Добрались благополучно. Завтра выходим дальше. Погода ясная, настроение хорошее». Внизу размашисто стояла подпись: «Миша». Алексей внимательно сложил листок, нашёл в своей сумке плотную книжку и спрятал между страницами, чтобы бумага не измялась.

— И ещё вот, — Михаил вынул несколько маленьких тяжёлых камешков, завернутых в газету. — Это керны от старой разведочной выработки. Семён Петрович разрешил взять из отвала. Обещал показать их преподавателю минералогии. Не будешь же ты тащить сюда обратно пустой рюкзак.

Алексей развернул газету. Среди камешков был тёмный цилиндр с ровным срезом, по которому проходила тонкая светлая прожилка.

— Для чего они ему?

— Для коллекции. А мне интересно, что это за порода. Видишь, слоистость?

— Вижу.

— Только не спутай с мусором. Здесь записал, откуда что взято.

Он протянул бумажку, исписанную мелким почерком, и

Алексей вложил её в тот же пакет. Камни оттягивали ладонь, хотя каждый умещался между пальцами. Уезжать с чужими поручениями оказалось легче: теперь у его возвращения возникал смысл, который можно было назвать вслух. Он ответит керны, плёнку, которую собирался доверить ему Костя, письмо Миши, расскажет в клубе, где расстался с группой. Будет занят настоящим делом и сумеет не думать о том, почему на самом деле не пошёл с ними.

Костя, услышав о кернах, попросил снять с Алексея фотографию. Не одиночный портрет, а общий снимок возле избы — пока все ещё вместе. Фёдор с улицы буркнул, что сниматься можно сколько угодно, если не заставлять его лошадь позировать, однако тоже подошёл посмотреть. Ребята с шумом повалили во двор. Снег был мелким, сухим, и на солнце казался рассыпанной солью. Позади избы торчала кривая труба, по крыше протянулась длинная ледяная бахрома; за ней над белой поляной стояли неподвижные ели.

Костя установил фотоаппарат на невысоком пне, подложив под него сложенную рукавицу. Он хотел использовать задержку спуска, но механизм капризничал на морозе. Тогда Фёдор предложил нажать кнопку сам. Ему долго объясняли, как держать аппарат, куда смотреть и почему нельзя нажимать до того, как все встанут. Фёдор слушал с серьёзным видом, будто ему поручали управлять незнакомой машиной на лесопилке.

— Сюда, Алексей! — позвала Елена. — Ты на середину.

Ты у нас сегодня главное действующее лицо.

Алексей стал между Лидой и Виктором. Павел сзади положил обе руки им на плечи, Нина велела ему убрать локоть из кадра, Михаил всё пытался закрыть тетрадь, которую почему-то захватил с собой. Андрей стоял у края, не выпуская из руки карту в чехле. Секунду никто не мог удержаться серьёзным, а потом Фёдор крикнул: «Не шевелись, сейчас птичка вылетит!» — и все расхохотались. Щёлкнул затвор.

— Ещё один, — потребовала Лида.

— Плёнки не жалко? — спросил Костя, забирая аппарат.

— На это не жалко.

Сделать второй снимок вызвался Алексей. Костя удивился: тот обычно предпочитал чинить фотоаппараты, а не пользоваться ими. Но спорить не стал, только показал, как держать камеру, навести на резкость и не дрогнуть в момент спуска. Фёдор в кадр не пошёл — отмахнулся, сославшись на лошадь, — а девятеро встали возле стены избы, ещё не успев разойтись за вещами. Павел, как обычно, оказался выше остальных; Нина подняла лыжную палку, чтобы её переставили с края; Андрей смотрел не в объектив, а куда-то поверх плеча Алексея. Костя, впервые стоявший перед собственной камерой, никак не мог решить, куда деть руки. Алексей попросил их не двигаться. Ему хотелось запомнить не стройную шеренгу туристов, а всех девятерых вместе — с измятыми шапками, раскрасневшимися лицами и лыжами у стены.

Щёлкнул затвор. Позднее именно этот кадр со Старого Рудника станет самым дорогим для Алексея: на нём стояли девятеро его товарищей, а самого Алексея не было видно — он находился по другую сторону объектива. Уже в избе Костя осторожно перемотал отснятую плёнку, вложил кассету в плотную бумагу и передал её Алексею для проявки, а в аппарат поставил новую. Тогда никому не пришло в голову, что среди этих обычных фотографий появится последняя.

Когда вернулись в избу, Андрей попросил всех проверить карманы и ремни в последний раз. Под лавкой нашлась ва-режка Виктора, в угол закатился ложечный черпак, а у Алексея отыскался запасной компас, которым он пользовался ещё на осенней тренировке. Компас был небольшой, с потускневшей латунной крышкой. Он собирался вернуть его в клуб после похода, но теперь выложил на стол.

— Возьми, Андрей. Лишний не помешает.

— У нас два есть.

— Пусть будет третий. У него стрелка быстро успокаивается. Проверял.

Белов открыл крышку, подождал, пока дрожание стрелки стихнет, и вернул прибор Алексею.

— Нет. Этот оставь себе. Наши проверены, а тебе он ещё пригодится.

Алексей хотел возразить, но Андрей уже повернулся к Павлу. Компас остался у него в ладони. Эта нелепая мелочь задела глубже, чем должна была: он протянул друзьям по-

следнее полезное, что нашёл, а они не взяли. Не из недоверия: нужных вещей у них хватало. Впервые Алексей почувствовал, что после его ухода группа не распадётся и даже не остановится. Девять человек спокойно продолжают путь. Значит, его не удерживали потому, что без него невозможно. Его удерживали потому, что любили.

Фёдор появился на пороге в третий раз.

— Ну всё, ребята. День не резиновый. Через час солнце за лес уйдёт, а мне по перемётам ещё ехать.

— Сейчас, — отозвался Андрей. — Уже всё.

Он сказал это привычно и твёрдо, но голос предательски задержался на последнем слове. Белов повернулся к Алексею. Они знали друг друга не первый год: вместе мерзли на тренировках, сдавали экзамены, носили из спортклуба сырые палатки, спорили о маршрутах. Руководителю оставалось пожать товарищу руку, но Андрей задержал её в своей и долго молчал.

— Ты там не задерживайся с письмом, — сказал он. — Мне надо, чтобы в институте знали, что ты вернулся нормально.

— Не задержусь.

— И врачу покажись.

— Покажусь.

— Не спорь с ним, как со мной.

— С врачом не буду.

Белов хотел сказать ещё что-то, но только кивнул. Алек-

сей подумал, что если сейчас Андрей спросит прямо: «Ты ведь не из-за спины?», он, возможно, сломается и расскажет всё. Однако Андрей этого не спросил. Он не мог представить, что человек, столько дней готовившийся к маршруту, откажется от него из-за безымянного страха. Даже сам Алексей с трудом представлял это.

Последними из избы вышли Лида и Елена. Лида вынесла небольшой шерстяной шарф — серый, с неровно связанным краем. Шарф принадлежал ей, она надевала его в поезде под пальто.

— Держи. На санях холоднее, чем кажется.

— Лида, у меня свой есть.

— Я вижу, какой он тонкий. Возьмёшь, потом вернёшь.

— Обязательно верну.

Она обмотала шарф вокруг его шеи сама. На мгновение её пальцы задержались у воротника, поправляя складку. Елена стояла рядом, улыбаясь, но вдруг сказала совсем не своим привычным тоном:

— Лёша, только не расстраивайся. Мы скоро приедем и так тебе всё расскажем, что пожалеешь, что остался дома. Будешь нас слушать до самого лета.

— Буду, — ответил Алексей.

— И спорить будем, и фотографии смотреть. Виктор снова всех замучает своей музыкой.

— Я всё слышу! — крикнул Виктор от саней.

Елена хотела отшутиться, но вдруг обняла Алексея. Креп-

ко, по-родственному, уткнувшись ему в плечо. Через секунду отступила, будто сама удивилась своему порыву. Глаза у неё блестели — то ли от мороза, то ли от слёз.

— Дурак, — сказала она ласково. — Надо же было так не вовремя.

— Сам знаю.

Нина не стала его обнимать. Она сунула ему в руку пакет с двумя сухарями и куском сахара, как будто отправляла ребёнка в соседнюю деревню, и строго сказала:

— На обратной дороге не геройствуй. Сразу садись, если устанешь. И не смей нам завидовать, когда будет метель.

— Постараюсь не завидовать.

— Вот именно. И можешь считать, что я за тебя схожу лишние пять километров.

— Только не пятьдесят.

— Там видно будет.

Павел крепко пожал ему руку обеими ладонями. Обычно Громов толкал его плечом или хлопал по спине. Сейчас ограничился крепким рукопожатием. Теперь он стоял серьёзный, заметно смущённый непривычным проявлением чувств.

— Ты там, Лёха, расскажи нашим, что мы живы-здоровы. А то они после последней недели сборов наверняка думают, что мы уже пропали среди коробок.

— Расскажу.

— И знаешь... — Павел запнулся, посмотрел куда-то на лошадь и продолжил: — Неправильно, конечно, без тебя. Но

правильно, что назад едешь. Если что, в следующий раз вместе пойдём.

Это «в следующий раз» Алексей услышал уже в который раз. Его произносили с такой уверенностью, как говорят о весне или о первом тёплом дожде: случится непременно, надо только переждать зиму. Он повторил про себя: «В следующий раз». Весной в институтском клубе снова будут мокрые следы на полу, запах лыжной мази, картонные коробки и десять голосов за столом. Образ был настолько отчётливым, что почти принёс покой.

Михаил подошёл с той самой тетрадью.

— Я вчера записал одну смешную вещь, — сообщил он.
— Как Фёдор сказал, что у нас расстояния только поворотами меряют. Хочешь, покажу?

— Покажешь, когда вернёшься.

— Ага. Всю тетрадь прочту. Только не засни на середине.

— Я не засну.

— Смотри. Ты обещал.

Они обменялись рукопожатием, похожим на обычное приветствие после лекции. Оттого оно показалось Алексею особенно горьким: ничего нарочитого, ничего окончательного. Рука товарища, которого рассчитываешь встретить через неделю.

Виктор зачем-то снова полез в рюкзак, хотя собрал его давным-давно. Затем заметил, что Алексей машинально сунул руку в карман и нащупал короткий карандаш, подарен-

ный ему утром. Корнеев поднял брови с важным видом и кивнул на этот карман. — Сдавал с ним сопротивление материалов, — сказал он. — Должен принести удачу.

— Проверяю, не потерял ли. Сдавал с ним сопротивление материалов. Должен принести удачу.

— Ты же пересдавал, — напомнил Алексей.

— Это до карандаша. Ты историю правильно слушаешь.

Они оба засмеялись. Виктор хотел ещё что-то сказать, но только хлопнул его по плечу и отвернулся. Алексей увидел, что привычные шутки Корнеева на этот раз не спасают даже самого Виктора. У него покраснели уши, и он упорно смотрел на лыжные крепления, словно там обнаружилась срочная работа.

Сергей, как обычно, не тянул прощание. Проверил ещё раз, хорошо ли укрыты колени Алексея на санях, и коротко сказал:

— Доберёшься — отдыхай. Не суетись. Всё у нас будет нормально.

— Да, Серёж.

— И не думай, что нас подвёл.

Алексей опустил глаза. Слова о возвращении звучали всё громче, а ответить на них становилось всё труднее. Вместо слов он крепко сжал руку Сергея.

Андрей стоял возле саней последним. На морозе очки его запотели изнутри, когда он поднял шарф к подбородку. Он снял их, протёр краем рукавицы и сказал, глядя Алексею

прямо в лицо:

— Ты знаешь наш контрольный срок. Если задержимся на день-другой из-за погоды, панику не поднимай. Но в клубе скажи, какой у нас маршрут. Отметь на карте точки. Я твоей памяти доверяю.

— Всё сделаю. До последней речки.

— Хорошо.

И тут Андрей обнял его — быстро и неловко, не умея прощаться иначе. Рюкзак мешал, по лицу Алексея скользнула грубая ткань куртки, пряжка ударила в локоть. Объятие длилось всего секунду, но Алексей почувствовал, что Белов сжал его по-настоящему, а не ради вежливости. Андрей отпустил, поправил ремень и вернулся к делу: подсчитал людей, приказал проверить палки, спросил у Лиды, всё ли с аптечкой.

Когда Алексей взобрался на сани, стоять возле избы стало некому. Девять человек выстроились поодаль, рядом со своими лыжами; даже Фёдор молчал, держа поводья. Лошадь нервно перебирала копытами, и полозья тихо скрежетали, едва сдвигаясь на насте. За товарищами темнел лес. Над ним медленно поднималось солнце, из-за которого снежная поляна казалась ослепительно белой. Алексей увидел Лиду в её шерстяной шапке, Виктора с торчащим из-под куртки воротом свитера, Нину, всегда чуть наклонявшую голову, когда вслушивалась, Павла, не находившего, куда деть руки. У каждого было своё лицо, привычное и близкое, и он вдруг

испугался, что через несколько дней уже не сможет так ясно представить их всех вместе.

— Ну, до встречи! — крикнул он, не вынеся затянувшегося молчания.

— До встречи! — ответили сразу несколько голосов.

— Пиши! — донеслось от Лиды.

— Фотографии не забудь! — добавил Костя.

— И керны! — крикнул Михаил.

— Верну карандаш! — откликнулся Алексей Виктору.

— Он теперь твой! — ответил тот.

Фёдор щёлкнул языком. Зорька потянула сани; они сначала неохотно сдвинулись, затем плавно покатались вниз по укатанной дороге. Алексей обернулся. Девять фигур уменьшались быстро, хотя сани ехали шагом. Павел махал шапкой. Лида держала варежку возле лица, и Алексей не мог понять, машет она или вытирает глаза. Андрей стоял неподвижно, лишь поднял руку в коротком прощальном жесте. На первом повороте вся группа скрылась за елями. Тогда Алексей повернулся вперёд, но через мгновение снова посмотрел назад: ему показалось, что кто-то окликнул его по имени. Слышался только скрип полозьев.

Первые минуты Фёдор не разговаривал. Он направлял лошадь по колее, объезжал корни, выступавшие из снега, и изредка оглядывался, проверяя, не ослабла ли верёвка. Алексей сидел на связанных мешках, укрыв ноги грубым одеялом. Шарф Лиды пах слабым мылом и дымом из печки. В

кармане под пальцами лежал короткий карандаш. В сумке постукивали друг о друга керны. Он понял, что забрал от девятирх слишком много мелочей, и каждая будет требовать от него памяти.

— Расстроился? — спросил наконец Фёдор.

— Немного.

— Компания хорошая. Жалко отстать.

— Очень хорошая.

Фёдор щёлкнул поводьями.

— Ничего. Вылечишься, ещё навестаешь. Молодые всё успеть хотят, будто времени мало.

Алексей отвёл глаза. Хотелось сказать: вы не понимаете, времени может быть сколько угодно, а мне всё равно страшно. Но он только спросил, долго ли ехать до участка.

— Пока светло, должны добраться. Если Зорька не запряжится у брода. А что спина — ноет?

— Когда трясёт, — ответил Алексей и тут же почувствовал привычный стыд.

Фёдор подложил под его спину свернутое покрывало. Этот жест доброты оказался ещё одной платой за ложь. Алексей сердито подумал, что мог бы сейчас встать и пройти всю дорогу пешком, не хуже любого здорового человека. Но тогда пришлось бы открыться Фёдору, а через него всем остальным. Он сел глубже в сани и позволил укрыть себя лучше.

Тем временем у Старого Рудника девять человек стояли

ещё несколько минут, хотя саней уже не было видно. Виктор первым нарушил молчание:

— Ну что? Теперь нас, значит, девять.

Прозвучало глупо. Все знали, сколько их осталось. Но произнесённое число отчего-то сделало расставание окончательным.

— Меньше едоков, — попытался пошутить Павел, перехватывая тяжёлый рюкзак.

— И больше груза на каждого, — ответила Нина.

— Это ты меня утешаешь?

— Я тебе помогаю не обольщаться.

Андрей не стал улыбаться. Он стоял над открытой тетрадью и записывал время выхода. После чего пересчитал людей, хотя видел всех до единого. Задержал взгляд на свободном месте между Костей и Лидой, где ещё недавно стоял Алексей, и поспешно закрыл тетрадь.

— Пойдём. На сегодня задача простая: пройти старую просеку, спуститься к Тальве, найти сухое место под лагерь. Не гоним. Снег ещё неизвестно какой.

Снег оказался таким, какого Андрей опасался. За последними домами Старого Рудника кончалась утоптанная дорожка, и лыжи сразу вошли в рыхлую белую целину. Тот, кто шёл первым, проталкивал носки лыж сквозь верхний наст, осторожно переносил вес, следил, чтобы не провалиться в скрытую яму у корня. Следующие двигались легче, но всё равно постоянно цеплялись за низкие ветви. Через несколь-

ко сотен шагов шум посёлка исчез. Уже не было слышно ни топора, ни лошадиных копыт, ни ветра в скрипучих ставнях. Лес наполнился лишь шуршанием лыж, дыханием людей и редким сухим стуком палки о подмёрзшее дерево.

Виктор шёл четвёртым и поначалу пытался петь. Но песня распалась после второго куплета: слишком трудно было попадать дыханием в ритм, когда приходилось поднимать лыжи на каждом шаге. Тогда он стал тихо насвистывать. Елена, следовавшая за ним, сказала, что свистит он фальшиво, и он ответил, что просто лес не настроен. Шутка была обычной, но прозвучала громко и слишком быстро затихла среди елей. Впервые за несколько дней дорога не подсказывала им, куда идти. Не было колеи, телеграфных столбов или низких домов, по которым можно определить направление. Впереди существовала только карта, компас и выбранная Андреем узкая щель между деревьями.

Сергей прошёл вперёд и сменил Белова на тропёжке. Так они и договорились заранее: передний меняется через определённое время, чтобы сильный не выматывался раньше остальных. Павел попросился следующим, но Андрей велел сначала привыкнуть к новому весу рюкзака. Павел обиделся ровно на минуту, потом зацепился лыжей за скрытую под снегом ветку и повалился боком в сугроб. Ребята засмеялись; сам он, выплёвывая снег, объявил, что проверяет глубину покрова по научной методике. Михаил достал блокнот и записал: «Громов измерил снег — около метра; метод

крайне неудобен для повторения». Все принялись спорить, метр там или меньше. Снова на некоторое время стало легко.

Когда они остановились поправить крепления, Лида обнаружила на ремне рюкзака обрывок красной шерстяной нитки. Точно такой же ниткой она ночью подшивала Алексею рукавицу: тот неудачно задел её гвоздём в избе. Лида подцепила нитку ногтем и потянула. Узелок не развязался. Она хотела бросить его на снег, но почему-то завязала потуже и спрятала под ремень. Елена заметила движение, спросила, что случилось. Лида ответила: «Ничего, просто нитка». И они пошли дальше.

Переход занимал часы, которые трудно было измерить. Солнце то появлялось в просветах между стволами, то совсем исчезало за тесной еловой крышей. На открытых местах снег лежал ровными надувами, в низинах — глубокими рыхлыми чашами. Несколько раз приходилось обходить поваленные деревья, осторожно перебираться через припорошенные ручьи, проверяя палкой прочность ледяной корки. В одной балке Костя остановился с фотоаппаратом: из снега торчала высохшая ветка, покрытая таким толстым инеем, что походила на белые кораллы. Он хотел сфотографировать её, но руки в перчатках плохо слушались, а остальным уже было холодно ждать. Сделал снимок торопливо и пообещал позже найти что-нибудь достойное настоящего кадра.

В полдень остановились у большой ели с низкими раскидистыми лапами. Сняли рюкзаки, уселись прямо на них,

чтобы не намочить одежду. Достали сухари, сало, несколько кусочков сахара. В термосах ещё оставался тёплый чай из утреннего кипятка. Андрей делил его поровну, несмотря на уговоры Павла дать тому побольше «за лишние сухари Миронова». Нина заметила, что они впервые едят без Алексея, и тут же пожалела о сказанном. По кругу прошла странная пауза. Потом Елена рассказала, как в поезде Алексей полчаса искал собственную ложку, а обнаружил её за голенищем, куда сунул, чтобы не потерять. Виктор добавил, что у каждого настоящего механика должна быть запасная ложка в сапоге. Разговор снова пошёл, и с ним вернулось тепло человеческих голосов.

Алексей в это время ехал по старой дороге и пытался читать книжку, которую захватил ещё из Каменска. Буквы прыгали перед глазами, когда полозья налетали на корни, и после третьей страницы он закрыл книгу. Фёдор рассказывал о лесе: здесь раньше был пожар, там весной застрял грузовик, чуть дальше на болотце находили лосиные следы. Алексей слушал, кивал, задавал вопросы, но постоянно возвращался мыслями к тому, что происходит по другую сторону поворота. Он представлял, как Андрей останавливает колонну, как Сергей сменяет его впереди, как Миша записывает что-нибудь смешное. Всё выглядело настолько знакомым, что он почти мог идти рядом. И одновременно от этого воображаемого пути его отделяло не расстояние, а собственное решение.

— А вы сами в те горы ходили? — спросил он Фёдора.

— До долины ездил. В хребет — нет. Не моё ремесло. Мне бы груз довести да домой вернуться.

— А местные охотники там бывают?

— Бывают. Тайга большая, зверь по границам не ходит. Кто промысел держит, тот знает тропы. Только к чужому шалашу без спроса не лезут. В тайге это не принято.

Фёдор сказал это без всякой таинственности, как сказал бы, что нельзя брать чужие сани. Алексей спросил, можно ли заблудиться, если идти по компасу. Возчик пожал плечами: можно, если карту читать плохо, если метель, если речки спутать. А если голова на плечах и не спешишь — можно и выйти. Такие простые ответы раздражали Алексея. Они оставляли его страх без оправдания. Он не видел опасности, которую можно было бы назвать, а потому не имел права тревожиться.

Ближе к двум часам девятеро спустились к долине Тальвы. Сначала слышали далёкое, почти неслышное журчание под снегом, потом увидели полосу более редких деревьев. Река лежала глубоко между берегами, в середине её снег был гладким, а у камней чернели отдельные проталины. Андрей осторожно проверил край льда палкой и велел не выходить на русло. Пошли вдоль берега, выбирая места, где корни елей удерживали снежный склон. Скоро ребята увидели следы зайца: две продолговатые ямки впереди, две маленькие сзади. Михаил присел, чтобы зарисовать их, а Елена за-

явила, что заяц явно знает дорогу лучше них и надо брать его начальником маршрута. Павел предложил выдать зайцу рюкзак с сухарями. Андрей не мешал болтовне. Он радовался, что люди не замыкаются от усталости.

По обе стороны долины поднимались невысокие лесистые холмы. Ветер иногда спускался сверху и пригибал снежную пыль к самой земле. В такие минуты казалось, что лес дышит. Лида шла рядом с Ниной и рассказывала о письме, которое обещала отправить младшей сестре. Нина говорила о лабораторной работе, которую придётся сдавать сразу после возвращения, и о преподавателе, не верившем, что спортивный поход может быть уважительной причиной отсутствия. Они обсуждали учебные долги с такой серьёзностью, будто университет оставался за ближайшими деревьями. Но по мере того как сгущался вечер, голоса становились тише. Уже никто не считал пройденных километров вслух. Все смотрели на Андрея, который время от времени сверял изгиб реки с картой.

На привале Белов вынул из внутреннего кармана тонкий лист — копию записанного графика, которую Алексей помогал переписывать перед отъездом. В нижнем углу аккуратным почерком Миронова стояло: «Проверить ремни у печки». Андрей провёл пальцем по этой строке и неожиданно вспомнил, как Алексей до полуночи возился в мастерской с недостающей трубой. Вспомнил запах горячего металла, его тихое довольное «подошло» и то, как все тогда благо-

дарили его за находчивость. Белов поймал себя на нелепой мысли: надо было утром попросить Алексея ещё раз осмотреть крепление печной трубы. Потом вспомнил, что Алексей уже далеко и без него справятся. Он тщательно свернул лист, убрал обратно и велел искать стоянку.

Место нашли на небольшой террасе над рекой, где густые ели задерживали ветер. Снег здесь был глубокий, но ровный. Андрей распределил работу. Сергей с Павлом выбирали и утаптывали площадку под палатку, Виктор и Костя доставали стойки, Лида с Ниной готовили котлы и продукты. Елена собирала сухие нижние ветки; Михаил помогал ей и одновременно пытался записывать наблюдения. С первой попытки палатку поставили криво: один угол провисал, а растяжка цеплялась за сучок. Пришлось снять и переставить. Павел ворчал, что в институтском дворе всё казалось проще. Виктор ответил, что там никто не заставлял ставить палатку поверх сугроба. Спорили дружелюбно, работали быстро. К тому времени, как в сумерках затеплился огонёк у входа, каждый знал, где лежат его вещи и что надо сделать до темноты.

Внутри пахло влажной тканью, дымом и нагретым металлом. Походная печка, которую Алексей починил перед отъездом, сначала дымила и никак не хотела тянуть. Сергей постучал по соединению труб, Костя поправил подвес, затем тяга установилась и печка загудела уверенно. Все обрадовались так, словно внутри завёлся домашний кот. Нина повесила сушиться рукавицы, Елена растирала пальцы, Михаил

переписывал дневниковую запись, стараясь не капнуть на бумагу чаем. Девять кружек выстроились у котелка. Павел, пересчитав их, вдруг сказал:

— Надо было десятую оставить. Для Лёхи.

Никто не ответил сразу. Потом Лида тихо произнесла:

— Он сейчас, наверное, в бараке греется.

— Если доехали, — уточнил Сергей. — Дорога не короткая.

— Доедут, — уверенно сказал Андрей. — Фёдор её знает.

Они обсуждали, что именно расскажут Алексею после возвращения. Виктор обещал воспроизвести все разговоры с лесорубами, Елена — придумать подробную легенду о том, как Павел провалился в снег. Михаил записал в дневнике, что первая настоящая лыжная стоянка прошла удовлетворительно, хотя из-за глубокого снега двигались медленнее расчёта. В конце страницы он добавил: «Алексея очень не хватает. Надеемся, доехал благополучно». Он не показал эту строку остальным.

К этому времени сани Фёдора действительно добрались до Сорокового участка. В сумерках показались освещённые окна барачков и косая крыша конюшни. На дворе скрипела цепь, кто-то колол дрова, из кухни пахло варёной картошкой. Алексей осторожно слез с саней, делая вид, что бережёт спину. Фёдор велел отнести сумку в тёплое помещение, а сам повёл Зорьку распрягать. Несколько рабочих узнали студента и удивились, что он вернулся один.

— Что же, не пошёл в горы? — спросил Семён Петрович, встретив его в дверях.

— Спина прихватила, — ответил Алексей привычной уже фразой.

— Эх ты. Молодой, а уже спина. Ну ладно, садись. Чай есть.

Алексей сел у той самой печки, возле которой ещё недавно сидели все десять. На столе виднелась царапина, оставленная Павловым топором, когда тот неловко прислонил его к лавке. В углу всё ещё лежала тонкая щепка, которую Виктор заострил ножом, пытаясь сделать импровизированную указку для карты. В комнате не изменилось почти ничего, кроме того, что теперь было слишком просторно. Алексей снял Лидин шарф и аккуратно сложил рядом с собой. Старший рабочий поставил кружку чая, спросил, как дошли до рудника, и ушёл к своим. Алексей остался один среди чужих голосов.

Позже он достал пакет с кернами. Бумага успела размокнуть в одном месте от растаявшего снега, и он разложил каменные цилиндрики на подоконнике, чтобы просушить обёртку. Светлая прожилка в самом маленьком образце вдруг показалась ему похожей на тонкую дорогу, уходящую между тёмных гор. Алексей провёл по ней ногтем. Камень был холодный, твёрдый, не поддающийся никакому воображению. Он пообещал себе, что завтра же запишет, кому что должен передать, чтобы не перепутать поручения. Потом

вынул короткий карандаш. Грифель был стёрт набок, дерево потрескалось. Он осторожно заточил его ножом, положил на чистую страницу своей записной книжки и написал: «28 января. Вернулся с маршрута». Дальше рука остановилась.

Правда выглядела бы очень просто: «Я не болен. Я испугался и уехал». Но написать её было страшнее, чем произнести вслух. Алексей сидел над пустой строкой, пока чай совсем не остыл. Наконец вывел: «Дальше не пошёл по состоянию здоровья». Закрыв книжку и почувствовал, что обман стал чуть прочнее. Он уже существовал на бумаге.

А в палатке над Тальвой всё ещё горел слабый свет. Перед сном Андрей попросил каждого проверить одежду на застрашный переход и разложить варежки так, чтобы утром не искать их по всему полу. Виктор тихонько перебирал струны мандолины, которую всё-таки протащил с собой, заглушая звук ладонью. Елена положила голову на свёрнутый свитер и попросила сыграть ту песню, что они пели в поезде. Виктор попробовал, но в тесной палатке звук вышел глухим и непривычным. Он сыграл лишь первые такты и убрал инструмент. Никто не попросил продолжать. Они устали и хотели спать.

Лида лежала ближе к стенке и смотрела на тонкую полоску света, скользившую по шву полотнища. По привычке она начала мысленно проверять, всем ли хватило еды, не забыли ли закрыть котелок, сухие ли носки у Нины. Потом вспомнила шарф на шее Алексея и улыбнулась. Она была уверена, что весной станет ругать его за потерянную вещь, даже если

он вернёт шарф в точности таким же. Ей нравилась эта будущая шутка. Снаружи тихо поскрипывали деревья, и ветер перебирал ветви, словно осторожно искал вход.

В бараке Сорокового участка Алексей не спал. Рабочие давно погасили лампу, остались только отблески печи. В темноте он достал чужой карандаш и долго держал его между пальцами. Ему хотелось мысленно добраться до первой стоянки девятерых, убедиться, что у них хорошо горит печь, что никто не замёрз, что Андрей не сердится, что Елена шутит, а Михаил всё записывает. Он не знал, что именно так и было. Не знал и того, почему его тревога, прежде привязанная к одному страшному сновидению, теперь стала тише, но глубже. Ему казалось, что он оставил товарищей не на зимней лыжне, а по другую сторону невидимой двери, которую захлопнул собственноручно.

Утром всё должно было стать обыкновенным. Из участка он поедет в Яровое, затем автобусом в Северодольск, поездом в Каменск. Передаст фотографии и камни, сообщит в институт о маршруте, сходит для порядка к врачу. Через несколько дней начнёт ждать условленного срока возвращения. Он подробно представлял себе эти спокойные дела, чтобы не думать об одном: он уехал не потому, что путь оказался слишком тяжёлым, а потому, что впервые в жизни не смог заставить себя сделать следующий шаг.

Андрей тем временем погасил лампу в палатке. Темнота быстро поглотила лица, вещи, развешанные носки и стенку

печки. Девять человек устраивались на ночь, переговариваясь уже сонными голосами. За пологом лежал лес, на снегу тянулась их дневная лыжня, и следы вели назад — к пустой избе, старой дороге и человеку, который теперь был далеко. Никто не думал о том, что эта дорожка когда-нибудь приобретёт другой смысл. Для них она была просто путём, пройденным за один день. А для Алексея — границей между той жизнью, в которую он возвращался, и той, от которой отказался.

Перед самым сном он всё-таки открыл записную книжку и дописал под казённой строчкой ещё несколько слов: «Ребята ушли. Все были весёлые. Мы скоро увидимся». Он перечитал написанное и впервые за долгий вечер заплакал — бесшумно, почти сердясь на себя, чтобы никто в бараке не услышал. Эти слёзы не приносили ни облегчения, ни ответа. Он вытер лицо ладонью, положил карандаш рядом с кернами и закрыл глаза. За окном скрипнула лошадь в конюшне. На другой стороне леса девять человек крепко спали после первого дня пути. И между двумя этими ночами ещё можно было вообразить счастливую встречу, шумный институтский коридор, смех и рассказы, которых пока никто не знал.

Глава третья. Чужая лыжня

Утром по крыше палатки зашуршал снег: ветер тёр сухие крупинки о брезент. Михаил Лавров проснулся и долго слушал, не решаясь открыть глаза. Ночью печка прогорела, железо успело остыть, и холод, словно вода, затёк под край спальника, к коленям и ступням. Справа сопел Виктор, подложивший под голову свёрнутый свитер. Слева, почти касаясь Михаила плечом, спала Елена. Весь мир пока состоял из тесного брезентового мешка, девяти человеческих дыханий и светлого прямоугольника у полога. Потом снаружи коротко треснула ветка, и Лавров вспомнил, где они находятся: над рекой Тальвой, в нескольких часах пути от покинутого Старого Рудника, на первой настоящей стоянке своего зимнего маршрута.

Он потянулся к часам, лежавшим в кармане куртки, и нечаянно толкнул Виктора.

— Враг не пройдёт, — пробормотал тот, не просыпаясь.

— Это я, — шепнул Михаил.

— Тем более.

С другой стороны палатки кто-то негромко рассмеялся. Андрей Белов уже сидел, застёгивая рубашку. В очках, слегка запотевших от дыхания, он выглядел удивительно городским, как будто сейчас собирался не пробираться по глубокому снегу, а идти на утреннюю лекцию.

— Подъём через пять минут, — сказал он. — Дежурные, приготовьтесь.

— А как ты узнаешь, что прошло пять? — спросил Виктор, теперь уже открыв глаза.

— По часам.

— Несправедливо. У командира всегда есть приборы против нас.

Дежурили сегодня Лида и Павел. Павел первым вылез из-под одеяла, неловко переступил через чужие ноги и чуть не наступил на крышку котелка. Лида успела подхватить её прежде, чем металлический лязг разбудил окончательно всех. Она не выговаривала ему, только взглянула поверх плеча, и Павел беззвучно развёл руками: виноват, исправлюсь. В институте он мог рассмешить целую аудиторию и без всякой причины затеять спор с преподавателем, но под этим взглядом почему-то становился послушнее первокурсника.

Снаружи мороз был не таким злым, как накануне. У ближайшей ели снежная шапка осела, и несколько тяжёлых комьев, сорвавшись с веток, пробили внизу глубокие ямки. За деревьями тускло серебрилась речная долина. Ни дыма, ни человеческого голоса, ни стука топора — ничего, что напоминало бы о жилье. Вчера этот покой казался долгожданным; сегодня в нём уже чувствовалась огромная протяжённость пространства, которое предстояло пересечь.

Сергей Орлов выбрался последним. Сергей не любил утренней суеты: сперва находил нужную вещь, потом брался

за неё. Сначала развязал тесёмки у ботинок, затем вытряхнул из варежек ночную влагу, после осторожно ощупал крепления. На правой лыже ремень перетёрся о металлический язычок. Он ничего не сказал, только достал из кармана шило и кусочек сыромятной кожи.

— Серж, — позвал Павел от костровой ямы, — ты бы воду принёс. Пока снег растопишь, мы тут дедом станем.

— Сперва ремень, — ответил Сергей. — С водой можно подождать. С лыжей — нет.

— Я за тебя принесу, — предложила Нина.

— Так и думал, что найдётся умный человек.

Она взяла котелок и спустилась к месту, где вчера из-под камней слышалось течение. Андрей тут же пошёл следом. Нина заметила его шаги и обернулась.

— Я же не на край света пошла.

— Лёд смотрю, — сказал он.

— Вчера смотрел.

— Вчера был вчера.

Нина передёрнула плечами, но спор продолжать не стала. Белов не имел привычки объяснять каждую осторожность, и иногда это злило её куда сильнее самого приказа. Она терпеть не могла, когда забота выглядела недоверием. При этом Нина первой замечала, что Андрей за день съел меньше остальных или слишком долго стоял без рукавиц над картой. Ей казалось, что отвечать за всю группу ему позволяет должность, а ей — собственное упрямство. Из-за этого

они нередко действовали одинаково и всё равно умудрялись поссориться.

К завтраку поставили на снег девять кружек. Павел привычно потянулся за десятой — она всё ещё вспоминалась вместе с Алексеем Мироновым, хотя самой кружки здесь уже не было, — и остановился с пустой рукой. Елена, заметив движение, начала рассказывать, как Алексей однажды за целый вечер разобрал сломанный институтский будильник, а утром прибор зазвонил на два часа раньше и сорвал всем сон. Историю знали почти все, но теперь каждому нашлось что добавить. Получилось, что в их воспоминаниях Миронов был одновременно замечательным мастером и человеком, которому нельзя доверять часы.

— Он сейчас, наверное, чай пьёт в Сороковом, — сказала Лида, помешивая кашу.

— И смеётся над нами, — ответил Виктор. — Мы снег топим, он за столом сидит.

— Не смеётся, — возразила она.

— Почему ты так уверена?

Лида на мгновение задумалась.

— Потому что ему было очень тяжело уезжать.

Виктор опустил глаза к кружке. Он вспомнил красные уши Алексея, когда они прощались, и ту неловкую секунду, в которую не смог сказать ничего, кроме дурацкой шутки про карандаш. Хотелось сейчас придумать фразу получше и словно передать её через лес. Но лес не возвращал даже соб-

ственного эха.

Вышли позже, чем рассчитывал Белов. Печная труба никак не хотела разъединяться: одна секция, изготовленная Алексеем в институтской мастерской, плотно вошла в соседнюю и за ночь прихватилась холодом. Сергей грел стык ладонями, Костя осторожно постукивал деревянной рукоятью, а Андрей то и дело смотрел на часы. Елена предложила оставить печку на месте как памятник неизвестному слесарю; это наконец заставило Белова улыбнуться. Когда стык поддался, Виктор торжественно пообещал написать Алексею письмо с благодарностью за «самую надёжную трубу, какую нельзя разобрать». Лида завернула секции в тряпицу, чтобы ржавчина не пачкала вещи, и проверила, не забыли ли они вылить из котелка последнюю воду. Только после этого Сергей забросал снегом тлеющие угли и ещё некоторое время стоял, глядя, как исчезает тонкий дым.

Снова начали тропить целину. Первые сотни метров шли по собственной вчерашней лыжне, которая от ночного ветра стала низкой, едва различимой канавкой. Затем вчерашние следы кончились у развилки речной долины, и передний снова утонул в свежем снегу почти по колено. Лыжи у них были деревянные, разного возраста и разных мастеров. Одни охотно скользили по плотной корке, другие вязли и волочили за собой длинные борозды. Андрей назначил смену ведущего через каждые двадцать минут, однако уже на втором отрезке стало ясно, что даже таким порядком силы сберечь

трудно.

Павел, несший часть Алексеевых сухарей и общественную верёвку, поначалу отказывался уступать переднее место. Он был сильнее многих, привык помогать и считал всякую просьбу о передышке чем-то вроде капитуляции. Когда наст под ним провалился и он неловко сел в сугроб, остальные подошли слишком быстро для человека, собиравшегося вставать с достоинством.

— Я отдыхаю, — объявил он из снега.

— Не мешайте Громову, — подхватила Елена. — У него запланирован научный опыт: сколько времени может просидеть человек с рюкзаком в сугробе.

— При надлежащем питании — до весны, — отозвался Павел, но от предложенной руки Сергея всё-таки не отказался.

Когда остальные пошли вперёд, Сергей задержался возле него.

— Не взваливай на себя всё, что можно раздать, — сказал он тихо.

— Ты про сухари?

— Не только.

Павел хотел возразить, но обнаружил, что сказать нечего. Зачем так старался, Павел и сам не знал. Но чем тяжелее становился рюкзак, тем реже вспоминался пустой промежуток в походной цепочке.

К середине утра лес начал редеть. За низкими берёзами

показалась излучина Тальвы, укрытая снегом настолько ровно, что лишь тёмные полосы у берегов выдавали воду под льдом. Солнечный свет падал косо, растягивая тени деревьев по широкой белой поверхности. Костя несколько раз отставлял, доставая фотоаппарат, но ни разу не попросил группу остановиться ради кадра. Его раздражали постановочные снимки, на которых люди старательно показывали радость. Ему нравилось другое: когда Лида, забыв об аппарате, поправляет Нине воротник; когда Белов, склонившись над картой, морщит нос; когда Виктор с серьёзным видом разглядывает прилипшую к варежке хвойную иглу. Костя верил, что спустя годы такие мелочи лучше любого торжественного портрета напомнят им самих себя.

— Снимай вот это, — предложил Михаил и указал на ветку, вдоль которой тянулся тонкий ряд птичьих следов.

— Не всё на свете влезает в плёнку, — ответил Костя.

— Тогда зарисую.

Он достал блокнот, но руки без перчаток быстро заочечнели, карандаш начал скользить. Михаил попробовал удерживать его всей ладонью и получил вместо следов расплывчатые запятые. Виктор заглянул через плечо.

— Похоже на почерк нашего декана.

— Декан хотя бы не ходит по веткам.

— Это ты плохо его знаешь.

От смеха стало легче идти. Пару минут они двигались почти как на тренировке по хорошо утоптанному стадиону, по-

ка Сергей не остановился у низкого берегового обрыва. Он поднял руку, и вся цепочка постепенно замерла. Сперва никто не понял причины. Затем Павел, чуть подавшись вперёд, громко присвистнул.

Перед ними на снежном уступе тянулись две широкие, ровные борозды. Они огибали упавшую ель, сходили к полному берегу и уходили дальше между деревьями. Снег по их краям был ещё острый, не сглаженный ветром. В одном месте виднелось глубокое вдавленное пятно, оставленное пяткой на крутом повороте; рядом торчала сломанная вчера или нынешним утром тонкая веточка. Человек на длинных лыжах прошёл здесь совсем недавно и не пытался скрыть своего пути.

— Лыжня! — обрадовался Павел так, как радовался бы найденной среди снега избе.

— Вижу, — ответил Андрей.

— Человеческая, — добавил Виктор. — Официально сообщая: кроме нас на свете существуют другие люди.

Сергей присел на корточки и внимательно осмотрел углубления.

— Не спортивные лыжи. Шире наших. И шаг другой. Палки, похоже, одна или вообще без палок.

— Охотничьи? — спросил Михаил.

— Скорее всего. Здесь промысел есть, Жаров предупреждал.

Костя навёл аппарат на борозды, но опустил его: в кадре

получались две скучные линии между деревьями. Он сделал шаг в сторону, поймал длинную тень Павла, упавшую поперёк следа, и только тогда щёлкнул затвором.

Белов снял рукавицу, достал сложенную карту и прижал её к колену. Их путь вёл вдоль Тальвы, то приближаясь к берегу, то сокращая широкие речные петли через лесистые террасы. Чужая лыжня сейчас совпадала с намеченным направлением почти идеально. Уступ справа был надёжный, без опасных карнизов; след не выходил на лёд и не сворачивал к крутым склонам.

— Нам по пути, — сказал он, не скрывая удовлетворения.

— Тогда чего ждём? — спросил Павел.

Нина остановила лыжу у самой кромки новой колеи.

— А откуда мы знаем, куда она потом свернёт?

— Не знаем, — ответил Андрей. — Будем смотреть.

— Мы же не собираемся бездумно идти за неизвестным человеком?

— Нет. Пока след идёт в нужном направлении, пользуемся им. Как только разойдётся с картой, выберем своё.

Сергей молча кивнул. Ему понравилось, что Белов не сказал «там видно будет». Тропу можно было принять за подсказку, но нельзя было делать её приказом. Павел поставил лыжи в готовые борозды и, сделав два скользящих шага, оглянулся с таким выражением, будто получил новую пару ног.

— Ребята! Да тут ехать можно!

Он оттолкнулся, легко проскользил несколько метров и остановился только потому, что остальные ещё не двинулись. Даже Андрей коротко рассмеялся. Они вошли в чужую лыжню по одному. У каждого были свои усталость и мысли, но облегчение оказалось общим: кто-то уже прорезал тяжёлый снег вместо них.

Дальнейший ход дня изменился сразу. Там, где ещё четверть часа назад приходилось с усилием поднимать носки лыж, теперь они свободно скользили вперёд по плотному дну колеи. Можно было смотреть не только под ноги, но и на деревья, на стекающий с ветвей снег, на мелкие синие тени между камнями. Цепочка вытянулась, прибавила ход, и Андрей впервые за утро перестал прикидывать, сколько километров они недоберут до вечерней стоянки. Виктор, которому отчаянно хотелось разговаривать, тут же объявил, что неизвестного прокладчика лыжни надо разыскать и наградить почётной грамотой туристического клуба. Павел предложил вместо грамоты мешочек сухарей, но, вспомнив собственный груз, немедленно ограничил подарок двумя сухарями и торжественным рукопожатием.

— Твой охотник ещё и спасает твою спину, — заметила Елена.

— Моя спина не просила спасения.

— Тогда пусть вернёт нам дорожку и переделает поглубже. Громову недостаточно удобно.

Сергей шёл впереди и старался определить, сколько вре-

мении прошло с появления следов. На закрытых от ветра участках борозды оставались чёткими, а на одном солнечном прогале на дне уже выступили отдельные округлые крупинки. Снег был не совсем вчерашний и не слишком старый. Он потрогал его варежкой, разломил боковую стенку лыжни и посмотрел, где лежит свежая снежная пыль. Можно было предположить, что один или два человека прошли здесь накануне, но Сергей не любил утверждений, которых нельзя проверить. Он сказал только:

— Недавно ходили. Может, вчера.

Михаил записал это в книжку, предварительно спрятав карандаш в рукавицу, чтобы согреть пальцы.

— Ты пишешь или протокол составляешь? — спросил Виктор.

— А какая разница?

— В протоколе надо указать, кто был понятым при обнаружении лыжни.

— Ты и будешь.

— Отказываюсь. Мне ничего не понятно.

Их разговор подхватила Елена, начавшая спорить с Виктором о том, можно ли считать чужую лыжню дорожным сооружением. К концу спора выяснилось, что для государственной комиссии не хватает ещё председателя и печати, а также неизвестно, у кого получать разрешение на движение. Белов приказал всем прекратить «бумажную волокиту» и следить за промежутками. Впереди тропа ныряла под низ-

кие ветви, и Павел дважды вынужден был нагибаться так резко, что доставал коленями до лыж. Нина, шедшая следом, едва успевала уворачиваться от снега, который он стряхивал с елей рюкзаком.

— Громов! Ты специально?

— Природа против меня.

— Тогда предупреди природу, что я за тобой.

Нина ускорила шаг и обошла его на открытом участке, чем вызвала новые шутки. Она могла принять любое поддразнивание, кроме намёка на то, что ей понадобится помощь лишь потому, что она девушка. В городе эта привычка нередко утомляла приятелей; здесь же она придавала ей сил. Она шла быстро, хорошо держала равновесие и терпеть не могла, когда при крутом повороте Сергей, сам того не замечая, придерживал ветку перед её лицом. Она знала, что он поступает так со всеми. Но всё равно каждый раз говорила: «Я сама».

Через час удобная лыжня преподнесла неожиданную неприятность. На открытом плёсе солнце успело согреть верхний слой снега; кристаллы стали влажными, тяжелее прилипали к дереву. Стоило группе подняться на теневой склон, как эта влага схватилась на скользящей поверхности ледяными катышками. Сначала Костя заметил, что левая лыжа перестала ехать. Он оттолкнулся сильнее, но нога словно застряла в снежной каше, и пришлось поднимать её целиком. Затем застонал Павел: под его лыжами выросли белые длинные комья, похожие на куски сырого теста.

— Так не бывает, — сказал Виктор. — Ещё минуту назад летели, а теперь идём на двух табуретках.

— Бывает, — ответил Сергей. — Подлип. Снимай лыжи. Они выбрали сухое место под большой лиственницей. Солнце стояло уже достаточно высоко, но тепло его здесь почти не ощущалось. По очереди садились на рюкзаки, переворачивали лыжи полозьями вверх и снимали мокрый снег деревянными обушками ножей, не царапая скользящую поверхность. Сергей объяснял, почему разные участки намазаны по-разному и отчего на мягком подогретом снегу привычная мазь перестаёт работать. Андрей уже знал это, но не перебивал: когда Орлов говорил о деле, слушать его было полезнее, чем напоминать, кто руководитель группы.

Виктор попытался наскрести на лыже рисунок сердечка и подпись «Здесь был Витя», получил от Лиды тряпку и был отправлен заканчивать работу по назначению. Костя достал из чехла железную коробочку с мазью, почти не глядя протянул её Нине и только потом понял, что отдал последний хорошо размягчённый кусок. Девушка уже провела мазью по лыже и остановилась.

— Тебе самому хватит?

— Конечно, — быстро сказал он.

Сергей услышал ответ и попросил показать коробку. Остаток там был совсем маленький. Тогда Лида достала ещё одну жестянку, ту самую, что в утро прощания случайно обнаружилась у Алексея, и высыпала содержимое на рукавицу.

Запаса оказалось достаточно.

— Миронов и здесь нам помог, — заметил Михаил.

На этот раз никто не засмеялся. Костя, сидевший чуть поодаль, смотрел на свои руки: они дрожали от холода так заметно, что он спрятал их под мышки. В прежних походах он всегда тщательно рассчитывал расход плёнки, мази и батареек для фонаря. Отдать последнее, не проверив, сколько останется самому, было для него чем-то нехарактерным. Костя смутился: товарищи могли заметить, что за его педантичностью иногда скрывается желание оказаться незаменимым.

— Костя, — сказала Нина, возвращая коробку, — спасибо. Не надо было.

— Надо. Ты ведь с утра лучше всех скользишь.

Она ответила насмешливым прищуром, но следующее полчаса держалась на полшага позади него, чтобы не показать, что довольна.

Вновь двинулись только после того, как проверили каждую пару лыж. Лида убрала в карман грязную тряпицу, чтобы не оставлять в лесу мусор, Михаил записал температуру на своём маленьком спиртовом термометре, а Белов отметил время вынужденной остановки. Рядом со временем вынужденной остановки Андрей едва не добавил: «Солнце чудесное». Но оставил тетрадь для маршрута. Но он оставил только минуты. Если поход пройдет удачно, рассуждал он, для впечатлений будет целый вечер и много лет впереди. Пока лучше вести счёт времени.

Чужой путь тем временем делался заметно искуснее. На крутых изгибах речной террасы лыжня обходила скрытые камни, поднималась по пологим участкам и вновь возвращалась ближе к реке там, где между деревьями открывалось просторное место. В нескольких точках на деревьях виднелись старые затёсы, потемневшие и покрытые коркой льда. Иногда лыжня уходила так близко к стволу, что человек с широким рюкзаком едва протискивался между сучьями. Было ясно: её прокладывали не для студенческой команды. По ней, вероятно, ходил один человек, хорошо знавший местность, не нуждавшийся ни в карте, ни в спорах о том, где повернуть.

— Он тут дома, — заметил Михаил, разглядывая один из поворотов.

— Кто? — спросила Лида.

— Тот, кто прошёл. Видишь, у ручья он не стал спускаться вниз, а сразу нашёл ровное место? Мы бы искали минут десять.

— Может, не первый год ходит, — сказала она.

— И один?

— Этого мы не знаем.

Михаил задумался. Ему хотелось представить человека, от чьей работы они сейчас получают столько пользы. В дневнике можно было бы нарисовать длинные охотничьи лыжи, тулуп, высокие меховые сапоги. Но он видел только следы. В конце концов записал: «Свежая промысловая лыжня; на-

правление совпадает с нашим. На береговом склоне обнаружены старые затёсы». Ему показалось, что строка выглядит сухо, и приписал ниже: «Ходить стало легче. Все оживились».

На привал остановились у старой большой сосны, которая росла на небольшом возвышении над берегом. Здесь ветер почти сдул снег с корней, обнажив серую шероховатую древесину. По решению Андрея рюкзаки сложили за стволом, где было тихо, а от реки доносился слабый, похожий на далёкое шуршание звук воды подо льдом. Пока Лида доставала сухари и сахар, Виктор пытался построить из трёх варёжек фигуру официального начальника лыжни. Елена велела добавить начальнику живот из котелка, Павел предложил собственный ремень для парадного пояса. Сергей с самым серьёзным видом заметил, что настоящему начальнику необходим свисток, и тут же рассмеялся вместе со всеми.

В середине привала Нина заметила на стволе неглубокие горизонтальные засечки. Они были разной высоты и явно не походили на естественные трещины коры. Михаил подошёл с блокнотом, сравнил отметки с собственной ладонью и нарисовал несколько кривых черточек.

— Для чего это? — спросила Елена.

— Может, снег меряют, — ответил Сергей. — Может, здесь место встреч отмечают. Не стану гадать.

— А может, просто кто-то от скуки резал дерево, — сказал Виктор. — Ты у любой царапины спросишь родослов-

ную.

Михаил хотел ответить, но увидел, что рукав куртки зацепился за торчащий сучок. Пока он освобождался, Елена взяла его блокнот и прочла вслух одну из вчерашних записей: «Ветрова поскользнулась, села в снег, отрицала случившееся».

— Ах вот как! — возмутилась она. — А ты про то, как сам заснул с открытой кружкой, умолчал?

— Я не заснул. Я задумался.

— Задумался до самого чая.

Виктор тут же потребовал внести этот факт в официальную историю экспедиции, а Нина встала на сторону Михаила. Началась шутливая тяжба, в которой каждый оказывался и свидетелем, и обвиняемым. Белов сперва пытался напомнить о времени, потом сам не выдержал, расхохотался и позволил им ещё пять минут. В такие минуты он почти завидовал товарищам. Им не приходилось одновременно слушать смешную историю и подсчитывать, сколько светлого времени осталось до вечера. Но сегодня, благодаря найденной лыжне, он мог позволить себе редкую роскошь — не торопить.

Когда собирались дальше, Костя заметил невдалеке от сосны тёмный круг на снегу. Он подумал, что это старая яма от поваленного дерева, но, подойдя, увидел обугленные щепки и несколько камней, сложенных полуколыцом. Снег вокруг уже успел слегка припорошить края кострища. Один

конец обломанного прутика был обожжён, а на другом сохранилась свежая светлая древесина.

— Тут кто-то ночевал, — сказал он.

Сергей подошёл первым. Он поддел палкой серую золу; под ней нашёлся холодный уголь. Никакого тепла не осталось, однако костёр был относительно недавним: мелкие щепки ещё не успели провалиться под новые слои снега. В нескольких шагах от огнища обнаружилось место, где снег был утоптан в невысокую площадку, и короткие следы к дереву. Между лапами молодой ели лежала широкая берестяная полоска, свёрнутая на одном конце. Ничего таинственного здесь не было — обычная остановка человека, который долго шёл по лесу и разводил огонь, чтобы вскипятить воду или согреться.

— Ну вот и хозяин дороги, — сказал Павел.

— Хозяина нет, — поправил Сергей. — Остались следы.

Михаил шагнул ближе к кострищу. Ему хотелось измерить расстояние между камнями, зарисовать расположение веток, найти какой-нибудь приметный предмет, по которому можно было бы представить самого путника. Он почти наклонился к берестяной полоске, когда Лида окликнула его:

— Миша, не трогай. Это ведь чья-то вещь.

— Я только посмотрю.

— Смотреть можно и так.

Он выпрямился. Лида не произнесла наставления, не напомнила ни о местных обычаях, ни о правилах приличия,

но почему-то стало ясно, что она права. Если бы незнакомые люди пришли в их вчерашний лагерь и стали разбирать оставленные возле костра вещи, Михаилу тоже было бы неприятно. Он достал карандаш и принялся рисовать, стоя на расстоянии. Костя сделал снимок с общего плана — дерева, круг золы, несколько тёмных камней. Возле самой площадки он не стал возиться с аппаратом, чтобы не растоптать то, что могло оказаться полезным другому человеку.

— Они тут хлеб ели, что ли? — спросила Елена, показав на несколько мелких крошек у корня.

— Может, сушёную рыбу, — предположил Павел.

— Ты хоть раз рыбу видел в таких крошках?

— Я много чего в голодном виде видел.

Сергей тем временем заметил ещё одну деталь: две лыжные полосы, выходявшие от костра, были не совсем одинаковы. На одной колее пятка при повороте оставляла глубокий короткий крючок, другая оставалась почти прямой. Людей могло быть двое; мог быть один, который возвращался тем же путём, изменив шаг. Белов выслушал его и пожал плечами.

— Нам важно только, чтобы след не увёл к чужой избушке. Дальше идём по нему до излучины. Там сверимся с картой.

— А если встретим хозяев? — спросила Нина.

— Поздороваемся, — ответил Виктор.

— И поблагодарим, — добавила Елена.

— И не будем лезть к ним с фотоаппаратом, — спокойно сказал Костя.

Никто не возразил. В городе они часто спорили о том, кому принадлежит место на трамвайной площадке или очередь в столовой, но здесь подобные вопросы вдруг казались проще. У кострища они были гостями неизвестного человека. Он не приглашал их и не прогонял. Он просто прошёл раньше, оставив удобную лыжню. За это ему можно было быть благодарным и не считать, что он им чем-то обязан.

После кострища лыжня поднялась выше по склону. Между елями стали попадаться старые берёзы с изогнутыми стволами, под которыми ветер выдул из снега тёмные ямки. Ход был настолько ровным, что Павел вновь заговорил о почётной грамоте, а Елена предложила вручить её неизвестному охотнику вместе с правом пожизненно вести их экспедицию. Андрей, слушая шутки, не забывал смотреть на склон: чем удобнее становился чужой след, тем опаснее было отдать ему собственное решение. Он останавливался у каждого заметного изгиба, доставал карту и сверял рельеф. Пока всё сходилось — узкая терраса, впадение мелкого ручья, две высокие ели на мысу, обозначенном на чертеже простой неровной линией.

За очередным поворотом лыжня приблизилась к глубокому оврагу, по дну которого под снегом текла маленькая речка. Здесь снег был притоптан сильнее, а путь осторожно спускался к узкому месту между берегами. На первый взгляд

препятствие не представляло труда: всего несколько шагов через тёмную складку земли. Но Сергей заметил странную гладкость посередине, где свежая снежная пыль прикрывала голый лёд. Он поставил палку поперёк колеи.

— По одному. Без толчков. И на середине не останавливаться.

Павел перешёл первым, тяжело ступая, чтобы проверить прочность пути. Затем помог Лиде передать рюкзак, который мешал держать равновесие. Андрей хотел возразить против задержки, но увидел внизу блеск открытой воды и передумал. Костя прошёл осторожно, держа фотоаппарат под курткой. Нина, недовольная чужой опекой, решила, что никаких дополнительных рук ей не нужно. Она успела спуститься почти до середины, когда правую лыжу повело на гладком льду. Нога скользнула в сторону, палка провалилась в мягкий край сугроба, и девушка начала падать — не сильно, но прямо к тёмному просвету между камнями.

Сергей стоял ближе всех. Он поймал лямку её рюкзака и рывком притянул назад, к прочному берегу. Нина ударилась коленом о наст, замерла, потом резко выдернула плечо из его руки.

— Я бы сама встала!

— Может быть, — сказал Сергей. — Только сначала ты бы промочила ноги.

— Не промочила бы.

— Значит, я ошибся. Хорошо.

Нина отвернулась, потому что разозлилась гораздо сильнее, чем следовало. От обиды у неё защипало глаза. Она сама испугалась, когда увидела под собой чёрную воду; сильнее испугалась мысли, что это заметили остальные. Ей хотелось немедленно доказать, что ничего страшного не произошло, но Сергей уже помогал Елене перейти ручей, ничего не говоря и ничем не выдавая, что только что удержал человека от падения.

На следующем привале Нина обнаружила, что колено цело, зато ботинок натёр пятку. Она сама ослабила крепление, пытаясь не привлечь внимания. Лида подошла будто случайно, присела рядом и протянула сухую мягкую тряпицу.

— Подложи сюда. Не станет тереть.

— Я могу сама.

— Я знаю. Поэтому и даю тебе тряпицу, а не надеваю ботинок.

Нина подняла голову. Лида смотрела на неё без насмешки. Они несколько секунд молчали, потом обе тихо рассмеялись. Нина взяла тряпицу и, помедлив, призналась:

— Я испугалась у ручья.

— Это я видела.

— Только Сергею не говори.

— А ему зачем? Он тоже испугался.

— С чего ты взяла?

— У него после этого руки дрожали, когда он снимал палку.

Нина удивилась. Она успела увидеть в Сергее только снисходительную силу старшего товарища. Оказалось, у неё и у него был один и тот же страх, только выражался по-разному: её страх заставлял спорить, его — действовать. Позже, догнав Орлова, она какое-то время шла молча рядом, а потом сказала:

— Спасибо за рюкзак.

— Не за что.

— И за то, что не рассказал всем.

Сергей посмотрел на неё поверх плеча.

— А что тут рассказывать? Перешли ручей.

После короткой остановки они снова двинулись по лыжне. Для Нины этот короткий разговор оказался важнее длинных поучений, от которых она обычно только сердито отмахивалась.

После обеда день потянулся спокойнее. Солнце опустилось, свет стал холоднее, тени от стволов вытянулись поперёк лыжни тёмными длинными полосами. Ветки над головой поскрипывали, иногда с них осыпалась серебристая пыль. Костя попросил остановиться у поваленного дерева, на котором снег лежал ровной белой волной. Он поставил Павла на передний план, но тот тут же принялся делать торжественное лицо, как на фотографии для доски почёта. Снимок не получался. Елена засмеялась, Павел повернулся к ней и сказал что-то резкое и смешное, Костя мгновенно поднял аппарат и успел поймать именно это движение: человеческое лицо,

неожиданно изменившееся на секунду, и снег за его плечами.

— Ну? — спросил Павел. — Красиво вышел?

— Теперь да.

— А раньше?

— Раньше ты на лесника, потерявшего лес, был похож.

На следующем изгибе Михаил отстал от группы. У края тропы, возле молодой лиственницы, виднелись странные короткие отпечатки. Он присел, потрогал снег, затем осторожно отодвинул нижнюю ветку: под ней тянулась тонкая звериная тропка, уходившая к небольшой норе между корнями. Возле норы лежали чешуйки шишек, аккуратно разбросанные по белой земле. Михаил начал зарисовывать находку, забыв и про часы, и про товарищей. Когда поднял голову, впереди уже не было видно никого.

Он услышал собственное дыхание. Лес словно раздвинулся, став вдруг огромным, хотя ещё минуту назад казался уютным коридором. Михаил поспешно сунул блокнот в карман и двинулся по лыжне. На ближайшем повороте его уже ждал Андрей.

— Отставать без предупреждения нельзя.

— Там следы были. Интересные.

— Я рад. В следующий раз скажешь кому-нибудь прежде, чем уходить.

— Я же никуда не ушёл.

— Ты исчез из виду.

Михаил приготовился оправдываться. Но увидел, что Белов злится не на него, а на собственную оплошность: руководитель слишком увлёкся картой и не заметил, как последний участник задержался. Андрей привычно превращал тревогу в строгость, потому что иначе пришлось бы признаться, как легко потерять человека среди совершенно одинаковых елей.

— Ладно, — сказал Михаил. — Виноват.

— Пойдём.

Они догнали остальных. Виктор сразу осведомился, не открыл ли Лавров новый материк. Михаил ответил, что нашёл беличью столовую, на которой завтрак явно был лучше их собственного. Потом задумался и всё же сделал в дневнике короткую запись: «Не отставать от группы даже ради наблюдений». Ниже хотел написать, что Белов излишне строг, но оставил строку пустой. Его упрёк был справедливым.

Ближе к вечеру чужая лыжня раздвоилась. Одна полоса уходила на север, к пологому лесистому пригорку; вторая, более широкая, продолжалась вдоль речной долины. На развилке стояла большая ель с обломанной вершиной. Кора на её стволе была поцарапана на высоте человеческого плеча. Следы у дерева перемешались: кто-то здесь разворачивался, ставил лыжу поперёк движения, возможно, отдыхал или перекладывал груз. В нескольких шагах от развилки нашлась примятая снежная площадка, а под веткой — две сухие берестяные ленты, свёрнутые так, чтобы их не унесло ветром.

— Вот здесь охотники разошлись, — уверенно заявил Павел.

— Или один ходил туда и обратно, — возразил Сергей.

— Не разрушай красивую версию.

Михаил принялся исследовать развилку глазами, без прикосновений. У него возникла соблазнительная мысль пойти по северному ответвлению хотя бы на несколько десятков шагов: там могли оказаться зимовье или охотничьи ловушки, о которых хотелось расспросить местных. Но Белов уже раскладывал карту. Гора Серебряная лежала дальше по долине; северная ветка уходила к невысокому боковому хребту и явно не приближала их к цели.

— Нам направо, — сказал Андрей, показывая на долину.

— И хватит сегодня приключений. До темноты надо выбрать лагерь.

— А туда кто-то живой ушёл, — задумчиво сказал Костя, взглянув на боковой след.

— Вероятно, — ответил Сергей.

Ничего странного в этом не было. В здешних лесах люди жили и работали, проходили по своим делам, проверяли промысел, возвращались в зимовья. Туристы не считали себя первыми, кто увидел эти места. Они были рады, что кто-то уже проложил удобный путь, и не видели причин бояться его хозяев. Михаил, например, даже немного сожалел, что не удалось встретиться и расспросить их о снежных отметках на сосне. Елена сказала, что местным людям, вероятно, во-

все не захочется отвечать на тысячу студенческих вопросов. Виктор тут же обещал взять вопросы на себя и задавать не больше тысячи в час.

Через полкилометра Андрей остановился. От лыжни вниз уходила узкая прогалина между елями, защищённая с двух сторон возвышениями. Снег там лежал глубоко, но деревья стояли крепко и сухих нижних веток было достаточно. До открытой реки оставалось несколько десятков шагов, воду можно было добыть из чистого снега на затенённом берегу. Сергей проверил направление ветра, прошёл по будущей площадке и кивнул.

— Тут встанем. Только к самой воде не лезем.

Ребята обрадовались остановке. Они не были измучены так, как вчера, но короткие подъёмы, возня с подлипом и часы на морозе накопились в ногах тяжёлой усталостью. Павел снял рюкзак и обнаружил, что лямка оставила на плече красную полосу. Он привычно хотел отмахнуться, однако Лида попросила показать. Переставила ремень, подложила под него свёрнутую ткань и велела завтра менять плечо на остановках. Павел сначала посмеивался, будто получал заботу совершенно незаслуженно, но потом негромко сказал:

— Спасибо, Лид. Я бы не додумался.

— Ты вообще редко думаешь о себе, — ответила она и сразу пожалела о резкости.

Но Павел не обиделся. Он посмотрел на рюкзак, на тяжёлые мешочки, которые взял из вещей Алексея, и понял, что

она сказала правду.

Площадку утоптали широкими лыжами. Костя и Сергей натянули палатку, Андрей проверил стойки и растяжки, Лида вместе с Ниной принялась за ужин. Елена, собирая сухие нижние ветви, обнаружила под снегом сухой кусок коры и понесла его к костру с таким видом, будто нашла редкую драгоценность. Михаил зачерпнул котелок чистого снега и на обратном пути увидел, как последние лучи заходящего солнца легли на широкую полосу реки. Он позвал Костю, но тот ответил из-под палатки, что занят с растяжкой. Михаил не стал настаивать. Он постоял у края площадки один, глядя на далёкий солнечный просвет, а потом попробовал описать его в голове: «Снег голубой, а солнце рыжее». Фраза показалась слишком простой, и он оставил её для дневника — может быть, вечером найдётся лучше.

Когда загудела печка, внутри стало тесно и весело. На короткое время установился тот особенный порядок, который возникает лишь после долгой общей работы: никто не спрашивал, что ему делать, потому что все знали. Нина сушила рукавицы, Сергей подвешивал над полом мокрые ремни, Павел резал хлеб крупными ломтями и получал замечания за неравные куски. Виктор нашёл среди своих вещей мандолину, потрогал струны и снова убрал её: руки устали, да и инструмент успел набрать холода. Вместо музыки он начал рассказывать, будто встреченный утром охотник оставил лыжную специально для них, получив письменное распоряжение

от ректора института. Елена подхватила историю, придумала возчику Фёдору должность заместителя ректора по лошадям, а Михаил сообщил, что в таком случае Сороковой участок следует переименовать в кафедру практической тайги. Смеялись долго, почти до слёз.

Но спустя некоторое время разговор неожиданно сделался серьёзным. Лида, разливая чай, спросила, всегда ли они будут брать чужую лыжню, если та появится и завтра. Андрей положил ложку на крышку котелка.

— Пока она помогает и не уводит с маршрута — почему нет?

— А если человек, который её сделал, не хочет, чтобы по ней ходили посторонние?

— Мы же не ломаем ему ничего, — ответил Павел.

— Не ломаем, — согласилась Лида. — Но мы и не знаем, куда он идёт.

Михаил оживился: ему хотелось обсудить кострище, затёсы и развилку, понять, откуда идут охотники и что отмечают на деревьях. Однако Сергей опередил его.

— Тут надо помнить простое, — сказал он. — В лесу чужую работу уважай. Нашёл тропу — хорошо. Увидел промысловую вещь — не трогай. Встретил человека — сначала поздоровайся, а потом уже вопросы задавай. В общем, как в любом доме.

Белов кивнул. Он припомнил предупреждение Жарова на лесозаготовительном участке. Тогда слова начальника про-

звучали почти между делом, среди разговора о ветре и старых просеках. Сейчас они получили ясный смысл. Андрей сказал, что завтра будут держать прежнее направление, но фотографировать чужие стоянки с близкого расстояния без необходимости не станут и с лыжни в сторону промысловых сооружений сходить не будут.

— Запишу, — сказал Михаил.

— Только не в виде приказа, — попросила Елена. — А то потом сам же заставишь нас расписываться.

— Подпись Корнеева точно не помешает, — ответил Белов.

Виктор поднял ложку, как руку школьника.

— Согласен, но требую одно исключение. Если встречу охотника и он окажется на лыжах быстрее меня, разрешите попросить урок.

— Урок получишь и от Сергея, — сказала Нина.

— Сергей слишком хорошо меня знает. Чужой человек ещё может во мне разглядеть талант.

Позже, когда ужин закончился, Андрей пересчитал продукты. Несмотря на ещё не до конца устоявшийся порядок, они уложились в дневную норму. Павел, заметив, что руководитель снова склонился над цифрами, без слов передвинул к нему последний сухарь. Белов хотел отказаться, но обнаружил, что действительно голоден. Он съел сухарь медленно и впервые за день поговорил с Павлом не о нагрузке, а о доме. Павел рассказал, как его младший брат учится кататься на

лыжах во дворе и каждый раз упорно съезжает в соседский забор. Андрей вспомнил отца, который перед отъездом молча поправил ему ремень рюкзака, хотя тот был пристёгнут совершенно правильно. Они заговорили о вещах, о которых днём, на ходу, не бывает времени рассказать. Павел спросил:

— А ты не устаёшь от того, что всё время за нас решаешь?

— Устаю, — признался Андрей.

— Так сказал бы.

— Кому? Тебе?

— Хоть мне. Сухари я уже несу.

Белов рассмеялся, но ответом не ограничился. Сказал, что боится не тяжести рюкзаков и не холода. Боится однажды пропустить что-то маленькое, из чего потом вырастет большая беда: незатянутый ремень, усталость человека, неправильно прочитанную складку местности. Павел слушал без обычной шутки. Ему прежде казалось, что уверенность Белова дана от природы, как сильные руки или хороший слух. Теперь он понял, сколько труда Андрей вкладывает в то, чтобы остальные могли не думать об опасностях каждую минуту.

— Тогда завтра я сам первым проверю печку, — предложил Павел.

— Проверь. Только не оставь её в снегу.

— Это уже недоверие.

— Это опыт.

Перед сном Михаил открыл дневник. Он записал, сколько

прошли, как изменялась погода, где встретилась лыжня и в какой момент пошёл подлип. Ниже нарисовал план маленького кострища у сосны, а на полях — обломанную вершину ели возле развилки. Когда он дошёл до слова «охотники», карандаш на миг остановился: ведь самих охотников они не видели. Он зачеркнул слово и написал «неизвестные лыжники». Ему стало приятно от собственной точности. Можно было выдумать сколько угодно интересных подробностей, но только в рассказе у вечерней печки; дневник должен был оставаться правдивым.

Лида смотрела, как он пишет, и попросила дописать от неё две строчки про хорошее настроение. Михаил протянул книжку. Она вывела: «Сегодня идти было легче. Никто не отстал. Нина у ручья не пострадала». Нина, заглянув через её плечо, возмутилась последней фразой, затем подумала и попросила оставить. Она хотела запомнить не своё падение, а то, как Сергей мгновенно протянул руку и потом сделал вид, будто ничего особенного не случилось. Костя взял дневник следом и на свободном уголке страницы изобразил в двух линиях лесной склон. Виктор предложил нарисовать к склону начальника лыжни с наградной грамотой, но его выгнали спать прежде, чем он нашёл подходящее место для портрета.

Ночь за пологом сгущалась тихо, без ветра. От костра на снегу осталось тёмное пятно, которое Сергей забросал и утоптал, убедившись, что внутри нет жара. Их девять лыж лежали рядом с палаткой, носками в одну сторону, как ак-

куратно припаркованные лодки. Чуть выше по склону проходила чужая колея. За день её края осели, а там, где по ней прошли студенты, две широкие борозды стали глубже и плотнее. Теперь нельзя было с первого взгляда отделить работу неизвестного путника от работы девятерых, и это не казалось никому важным. Они всего лишь воспользовались удобной дорогой, как воспользовались бы мостиком через ручей или старой просекой.

Костя перед тем, как залезть в палатку, ещё раз вышел к тропе. Небо между верхушками деревьев было темно-синим. Он поднёс фотоаппарат к лицу, но сразу опустил: света для снимка не хватало. Он постоял, слушая негромкий разговор товарищей за брезентовой стеной, и подумал, что завтра нужно будет непременно сделать хороший групповой снимок в пути, не у старой избы, как при расставании, а здесь, среди деревьев. Сфотографировать девятерых — такими, какими они становятся, когда перестают играть в путешественников и действительно идут далеко от дома. Потом он увидел, как Андрей открывает полог, и вернулся внутрь.

— Ты чего? — спросил Белов.

— Смотрел, сколько света останется для фотографий.

— И сколько?

— На сегодня — нисколько.

— Значит, спать.

Они устроились рядом с остальными. Павел ещё пытался договорить какую-то историю про младшего брата, Елена

просила его отложить конец до утра, Виктор сонным голосом считал, сколько раз они за день произнесли слово «лыжня». Лида укрыла ноги запасной курткой, Нина долго возилась с подсушенной повязкой на пятке, Сергей проверил входную растяжку и наконец затих. Михаил, уже убравший блокнот, внезапно вспомнил одну мысль и снова достал карандаш. Под дневной записью он дописал совсем коротко: «Чужой след сегодня оказался удачей».

Андрей услышал шелест бумаги, но ничего не сказал. За день они прошли больше, чем он надеялся утром. На карте красная линия отодвинулась ещё немного в сторону Серебряной, и до цели, казалось, стало ближе не только в километрах, но и в человеческой уверенности. Печка негромко потрескивала. В палатке пахло дымом, шерстью, мокрым деревом и чаем. Девять человек, до сих пор не вполне привыкших к этому числу, засыпали рядом и уже знали, как каждый дышит, ворочается и ищет во сне место для локтя. Им было хорошо вместе. Им казалось, что сам лес сегодня помог им — просто потому, что на нужном повороте кто-то прошёл раньше и оставил за собой лыжню.

Ни один из них не думал, что завтра след может привести не только к более лёгкому пути, но и к человеку, для которого эта дорога значит совсем другое.

Глава четвёртая. Запретное место

Михаил Лавров проснулся с мыслью, что вечером написал неправду. Не настоящую неправду, такую, за которую краснеют и оправдываются, а маленькую, почти незаметную. «Чужой след сегодня оказался удачей», — значилось в дневнике. Вчера он вывел эту строчку с удовольствием человека, сумевшего подобрать точное слово. Теперь, лёжа в тесной палатке под серым брезентом, Михаил впервые задался вопросом: для кого чужая лыжня была удачей, а для кого — нет? Для одного это короткая дорога, для другого — место, куда он шёл с определённой целью. Просто вчера им повезло, что оба пути на какое-то время совпали. Он поворочался, натянул одеяло на плечо и решил, что это, пожалуй, слишком сложная мысль для шести часов утра.

Возле входа Андрей Белов уже искал в темноте рукавицу. Он вытащил одну из-под котелка, затем другую — из собственного сапога, куда вечером сунул её сушиться, и недовольно хмыкнул. По палатке прошёл привычный утренний шорох: заскрипели ремни, зашуршала одежда, кто-то задел локтем кого-то в бок. Печка прогорела задолго до рассвета. Воздух был настолько холоден, что голоса сначала получались хриплыми и тихими, будто ребята разговаривали в чужом доме и не хотели разбудить хозяев. Виктор Корнеев попробовал приподняться, упёрся лбом в промёрзшую куртку,

повисшую на верёвке, и снова лёг. «Утро, — объявил он, — официально признаю неудачным». Елена Ветрова, даже не открывая глаз, ответила, что утро ещё не успело начаться, а Корнеев уже требует пересмотра результатов.

Сергей Орлов вышел первым. Откинутый полог впустил узкую полосу голубоватого света и вместе с ней такой мороз, что Нина Соколова разом села, придерживая ворот свитера. Сергей постоял снаружи, оглядел лагерь и вернулся с докладом, который состоял из трёх слов: «Тихо. Ясно. Морозит». Этого было достаточно, чтобы Андрей разрешил не откладывать выход. Вчерашняя лыжня, сэкономившая им несколько часов тяжёлой работы, могла за ночь оказаться заметённой; пока ветер не поднялся, следовало воспользоваться хорошей погодой. Лида Морозова, заворачивая в тряпицу хлеб на дневной привал, услышала его распоряжение и напомнила, что хорошая погода бывает хорошей лишь для тех, кто успел позавтракать. Её замечание встретили одобрительным гулом, и вопрос о времени выхода немедленно уступил вопросу о каше.

Дежурили в это утро Лида и Павел Громов. Они растопили снег, помешивая в котелке крупу, и устроили возле входа целую мастерскую по спасению промокшей одежды. У Павла за ночь высох ремень рюкзака, но подкладка под ляжкой сбилась в твёрдый комок. Лида заставила его снять рубашку и показала длинную красную полосу на плече. Павел посмотрел через плечо, насколько позволяла шея, и сказал, что это

не рана, а след признания его заслуг. «След заслуг, — ответила Лида, — завтра станет волдырём, и тогда заслуги придётся нести другим». Она распоролa край ненужного лоскута, переложилa ткань и туго прихватила двумя стежками. Павел сидел смирно, что само по себе было зрелищем редким. Нина наблюдала за ним с ухмылкой, но когда Лида отвернулась, незаметно попросила проверить и повязку на своей налётой пятке.

Костя Руднев вышел к лыжне ещё до завтрака. Он обещал себе вчера сделать снимок группы в настоящем пути, а не на фоне избы или саней, и теперь высматривал место, где девять человек могли бы разместиться так, чтобы в кадр попала не только их одежда, но и сама дорога. Небо между елями было цвета выстиранного полотна. Снег на деревьях за ночь не прибавился, зато по краям чужой лыжни лёг тонкий слой искристой крупы. Костя присел и потрогал её пальцем. На дне двух борозд виднелась вчерашняя твёрдая корка, оставленная неизвестным путником и затем углублённая их собственной группой. Чуть в стороне от следа, у невысокой ели, он заметил отпечаток узкой лыжи с необычно загнутым носком. Отпечаток пересекал привычную колею под углом, уходил между деревьями и там терялся. Костя хотел позвать Сергея, но тот как раз выносил снег из-под костровища; фотограф решил, что успеет показать находку после еды.

За завтраком Михаил сообщил всем про дневниковую за-

пись. Он ожидал, что его похвалят за точность, но Виктор немедленно предложил исправить её: «Чужой след сегодня оказался нашей удачей, а его хозяин пока не уведомлён». Елена добавила, что хозяину следует отправить благодарственное письмо на адрес «Лес, третья ель справа». Нина сочла это недостаточно научным и предложила составить акт приёмки лыжни. Пока они спорили, Андрей вытащил карту, разровнял бумагу на коленях и провёл ногтем по синей линии Тальвы. Сегодня им предстояло идти вверх по долине, затем пересечь невысокую лесистую седловину, где река делала длинную петлю. Если чужая колея продолжит держаться нужного направления, можно будет срезать этот изгиб и выиграть немало сил. Сергей сдержанно заметил, что укороченная дорога на карте и удобная дорога под ногами не обязательно одно и то же. «Поэтому сначала посмотрим», — ответил Андрей. Он любил, когда возражение не мешало решению, а помогало его проверить.

Собирались необыкновенно слаженно. Кто-то вытряхивал снег из чехла палатки, кто-то сворачивал тяжёлые полотнища, Павел проверял задвижку печки, Сергей укладывал горячие ещё трубы отдельно от ткани. Елена обнаружила под своей курткой ложку, которую все искали накануне вечером, и заявила, что та явилась к ней самостоятельно в поисках лучшей жизни. Михаил сделал об этом запись на свободном поле дневника. Лида проверила, чтобы у каждого в наружном кармане были запасные рукавицы, и получила от Нины

раздражённое «мама»; через минуту та же Нина, застёгивая рюкзак, попросила Лиду завязать ей шарф так, чтобы он не полз на лицо. К девяти утра лагерь исчез. На утоптанном месте остались лишь холодное пятно кострища, несколько вмятин от лыж и два ряда следов, ведущих к чужой колее.

Первый час шли быстро и почти не разговаривали. Утренний холод делал дыхание коротким, и каждый берег его для подъёмов. На ровных участках лыжи скользили мягко. Кое-где вчерашнюю колею припорошило, однако под лёгким слоем лежал плотный след, и ноги сами находили привычную ширину движения. Андрей шёл впереди, иногда останавливался, чтобы сверить курс по компасу, и снова давал знак продолжать. За ним держалась Нина, сегодня особенно собранная: после вчерашнего неловкого случая у ручья она старалась ни разу не оступиться. Михаил шагал третьим и мысленно подбирал слова для вечернего отчёта. Остальные распределились привычным порядком, который сложился за два дня без обсуждений: Сергей замыкал, Павел подхватывал груз у тех, кому становилось тяжело, а Елена и Виктор, если оказывались рядом, превращали любой подъём в словесное состязание.

К половине одиннадцатого солнце поднялось над левым берегом Тальвы. Река внизу ещё угадывалась по гладкой белой полосе, местами пересечённой тёмными кустами. Лес то сгущался, то отступал от склона. Деревья стояли неподвижно, и только с самой высокой ели изредка осыпалась сухая

снежная пыль. У корней попадались звериные следы: широкие отпечатки зайца, изящные точки какой-то небольшой птицы, тёмные росчерки на снегу, где пробежала белка. Михаил пытался определить по следам направление, но Сергей однажды остановил его и показал, что два одинаковых отпечатка на самом деле сделаны одним животным на разных этапах прыжка. «Не торопись давать имя тому, чего не видел», — сказал он. Михаил смутился и тут же записал эту фразу: она годилась не только для охотничьих следов.

Виктор тем временем мучился с лыжей. При каждом шаге под колодкой налипал влажный, тяжёлый снег, который затем смерзался неровным комком. На очередном подъёме он остановился, с досадой стукнул лыжей о наст и чуть не потерял равновесие. «Она, — сообщил он, — решила присвоить себе весь Урал по частям». Сергей достал из кармана деревянный скребок, проверил слой мази и объяснил, что на освещённом склоне снег у поверхности слегка изменился. Виктор выслушал объяснение с видом человека, которому читают лекцию вместо оказания помощи. Нина предложила ему поменяться лыжами, если он уверен, что виновато именно снаряжение. «Спасибо, — ответил он, — я ещё хочу сохранить право жаловаться». Через десять минут проблему решили, и Виктор из благодарности начал сочинять песню о героическом скребке. Слова были настолько плохими, что Елена запретила ему петь до следующего привала.

На развилку вышли перед полуднем. Вчерашняя широкая

лыжня уходила прямо вдоль реки, но рядом с низким кедром от неё отделялась другая, гораздо более узкая колея. Её не успело заметно припорошить, хотя снег рядом был гладким и нетронутым. След шёл вверх между двух берёз, пропадал за длинным каменным выступом и появлялся уже на следующем склоне, словно человек, проложивший его, хорошо знал кратчайший путь. Андрей присел, сравнил отпечатки и позвал Сергея. Тот потрогал край колеи, внимательно посмотрел на деревья и сказал, что здесь проходили совсем недавно — возможно, утром, а может быть, накануне вечером после их устройства на ночлег. «Значит, люди где-то близко», — обрадовался Павел. Не то чтобы он скучал по компании; просто после двух дней белого леса мысль о другом человеке показалась ему неожиданно приятной.

— Срезает к седловине, — сказал Андрей, сверяя направление. — Точно туда, куда нам нужно.

— Или к чьей-то стоянке, — возразил Сергей.

— И это возможно. Но направление верное.

— По узкой колее с тяжёлыми рюкзаками пойдём медленнее, — заметила Лида.

Нина, которой хотелось доказать, что вчерашняя река не отбила у неё охоту к новым участкам, предложила пройти вперёд на сто метров и посмотреть. Андрей разрешил, но отправил вместе с ней Сергея. «Не потому, что не доверяю», — добавил он прежде, чем она успела нахмуриться. «Я и не собиралась ничего говорить», — ответила Нина. Елена

очень тихо произнесла: «Разумеется», и получила от подружки взгляд, суливший расплату на ближайшем привале.

Ожидание заняло не больше четверти часа. Нина вернулась первой, красная от движения, с ресницами, облепленными инеем. За каменным выступом колея действительно шла в нужную сторону, причём на подъёме кто-то вырубил два небольших уступа в насте — аккуратно, с расчётом на человека, который несёт тяжесть. Сергей добавил, что видел свежие затёсы на нижней стороне ветвей и остатки сухого мха в углублении между корнями. Похоже, дорога использовалась не случайно. «Тогда идём, — решил Андрей. — Только по сторонам не разбредаться. И ни к каким чужим вещам не прикасаться». Это была не торжественная заповедь, а продолжение вчерашнего разговора у печки. На неё отреагировали примерно так же, как на просьбу не ронять кружки: согласились и почти сразу забыли.

Узкая колея оказалась удобнее, чем выглядела. Она петляла между деревьями, умело обходя густой молодняк, выбирала мягкие подъёмы вместо крутых и дважды выводила группу к маленьким открытым площадкам, откуда можно было разглядеть реку. Иногда направлявший их неизвестный срезал угол столь хитро, что Андрей, сверившись с компасом, удивлённо присвистывал. Костя наконец достал фотоаппарат. На одном из таких поворотов он заставил всех остановиться и расставил по краям лыжни. Аппарат установил на невысоком пне, выставил автоспуск и бросился на

своё место. Девятеро поместились с трудом: Павел заслонял Елену плечом, Виктор решил изобразить передового исследователя и указывал палкой на вершины елей, а Андрей всё ещё держал раскрытый футляр карты. Костя успел лишь нагнуться за палкой, когда щёлкнул затвор: на снимке он, должно быть, вышел почти без лица. Об этом никто пока не знал. Все хохотали и шумно утверждали, что фотография наверняка удачная.

Дальше лес стал необычным. Не сказочным и не страшным — непривычно редким и тихим. Между прямыми стволами проступали старые камни, покрытые тёмным лишайником; рядом росли несколько низких кривых берёз, под тяжестью снега склонённых почти к земле. На одном дереве на высоте человеческого роста виднелись три короткие зарубки, сделанные одна над другой. На другом — узкая полоска светлой древесины, откуда недавно сняли кору. Михаил показал на отметины Сергею и спросил, что это значит. «Может быть, маршрутная метка, — ответил тот. — Может быть, чей-нибудь собственный знак. По одной зарубке чужую жизнь не прочтёшь». При этом он слегка замедлил шаг и начал смотреть не столько на лыжню, сколько на пространство за ближайшими деревьями.

Поворот вывел их к небольшой ложбине, куда почти не попадал ветер. Здесь узкая лыжня распадалась на несколько следов. Один след огибал низкий обрыв и уходил к ручью, другой вёл к каменной гряде, а третий, самый свежий, под-

нимался между двумя толстыми лиственницами. Под одной из них на снегу лежало несколько аккуратно сложенных еловых веток. Чуть дальше возвышались два коротких столба, к которым был привязан горизонтальный шест. Сначала туристы решили, что это начало старой охотничьей изгороди. Но затем увидели на шесте небольшие деревянные пластинки, потемневшие от времени, и поняли, что перед ними не случайный завал и не работа ветра.

— Вот так поворот, — сказал Павел. — Мы прямо к людям в гости пришли.

— Людей пока не видно, — заметила Лида.

— Но это явно кто-то сделал, — сказала Нина. — Смотрите, как аккуратно.

Андрей снял рукавицу и достал карту. По расчётам, седловина была уже недалеко. Он мог вернуться к прежней лыжне и потерять час, а мог пройти по этому следу и выйти точно на нужный склон. Мысленно он взвесил оба варианта, потом указал лыжной палкой на открытый просвет между деревьями.

— Пять минут на осмотр местности и фотографию. Не разбредаемся. Всё, что здесь стоит, оставляем как есть.

— Слышали? — сказал Виктор. — Даже если найдём сундук золота.

— Особенно если найдёте сундук золота, — ответил Сергей.

Костя шагнул в сторону, высматривая положение света, и

обнаружил, что за лиственницами скрывается ещё одна площадка. Там, у большого валуна, стояло низкое сооружение из тёсанных жердей. Сверху оно было накрыто двумя широкими досками и полосой бересты; над крышей нависал длинный сучок, на который намело сугроб. Под навесом находилась узкая полка, поднятая над землёй на высоту локтя. Рядом была сложена небольшая связка сухих веток, не похожая на запас для костра: слишком ровно подрезаны концы, слишком тщательно перевязана тонкой корой. На бересте виднелся выцветший рисунок из линий и кружков. Кто-то много раз бывал здесь, подновлял крепления, смахивал снег с полки и уходил, не оставляя мусора.

Они остановились почти одновременно. Весёлые голоса стихли, и в ложбине стало слышно, как потрескивает морозный лес. Это не было испугом. Все замолчали с неловкостью незваных гостей, вошедших в комнату, где хранят дорогие вещи. Виктор первым попытался вернуть прежний тон и спросил, не остановились ли они у секретного магазина, где можно купить недостающий сахар. Шутка повисла в воздухе и не получила продолжения. Лида подошла к нему, поправила сползшую на лоб шапку и негромко сказала: «Давай здесь без этого». Он послушался — не от обиды, а потому, что сам уже пожалел о сказанном.

Костя снял с плеча фотоаппарат, но не стал сразу подносить его к глазам. Он привык искать красивое даже в самых обыкновенных вещах: в следах на влажном снегу, в полос-

ке света на лице, в смятой шапке Виктора. Здесь же красота почему-то мешала. Гладкий камень за навесом, белые ветви, тяжёлые тени и осторожно расставленные предметы складывались в слишком цельную картину. Ему не хотелось нарушать её даже собственным присутствием. Он сделал шаг назад, поднялся на корень лиственницы и снял общий вид, оставив в кадре лишь самый край лыжни. Щёлкнул затвор, и этот короткий, сухой звук заставил Михаила вздрогнуть.

На полке было немного вещей. Узкий продолговатый камешек, обмотанный пожелтевшей ниткой; две маленькие деревянные фигурки, форма которых уже плохо читалась; обрывок ткани, аккуратно сложенный под плоской корой; и тёмная металлическая пластина на кожаном шнурке. Снег не доставал до дальнего края полки, поэтому вещи лежали сухими. На полосе бересты под крышей виднелись несколько нарисованных от руки знаков, похожих то ли на птиц, то ли на стрелы. Михаил наклонился, стараясь понять, что перед ним. Он вовсе не был специалистом по местной истории. В институте он интересовался минералами, устройством радиоприборов и старыми картами, читал всё, что удавалось достать, и любил рассказывать друзьям, как много ещё неизвестного скрывает Север. Но знание о том, что где-то существуют древние предметы и непривычные обычаи, совершенно не помогало в минуту, когда один из таких предметов лежал на расстоянии вытянутой руки.

— Не похоже на склад охотника, — заметил он.

— Охотник обычно бережёт вещи от сырости, — сказал Сергей. — А зачем они здесь лежат, я не знаю.

— Может, кто-то давно жил поблизости?

— Может быть. Не гадай.

Михаил прищурился и разглядел на металлической пластине две вытянутые фигуры, обращённые друг к другу. У каждой был острый клюв и короткое крыло; между ними оставался крохотный просвет в форме листа. По краю шёл тёмный, стёртый пальцами бортик. Он вспомнил музейную витрину в Каменске, где находились старые украшения, пуговицы, серьги, случайные находки геологов. Здесь могла быть вещь не менее интересная, но никто не написал для неё этикетку. «Посмотри, Костя, — позвал он. — Если свет чуть сбоку, рисунок будет видно». Фотограф перебрался ближе, однако снимать отказался: блики забивали рельеф, а места под навесом было слишком мало.

Лида подошла с другой стороны. Она смотрела не на пластину, а на остальное: на обрывок шерстяной ткани, на маленькие деревянные фигурки, на затянутые от многократного прикосновения узелки. Ей вспомнился собственный дом, где мать хранила в коробке потемневшие пуговицы от отцовского праздничного пиджака. Пиджака давно не было, и пуговицы ни к чему не подходили, но мать ни разу не позволяла их выбрасывать. Лида не знала, кто оставил предметы в лесу, и не собиралась придумывать за этого человека историю. Достаточно было того, что он возвращался сюда. Она

заметила свежий след щётки из хвои на доске: кто-то совсем недавно смахивал снег с крыши и аккуратно собрал его у основания камня.

— Андрей, — сказала она, — мы здесь уже больше пяти минут.

Белов стоял у лыж, изучая противоположный склон. Он обернулся, взглянул на часы и признал, что она права.

— Уходим. Костя, хватит снимков. Миша, записать сможешь вечером, что видел.

— Ещё минуту, — попросил Михаил.

— Зачем?

— Хочу зарисовать этот узор. Там две птицы. Или не птицы. Не разберёшь издали.

— Издали и зарисуй, — ответил Андрей, которому пришлось говорить уже строже. — Мы здесь гости, даже если хозяина нет.

Виктор стоял рядом с Павлом и, кажется, впервые за день ничего не комментировал. Он видел, как Михаил колеблется между любопытством и приказом, и знал это состояние по себе. Если кто-то запрещал ему лезть в незнакомое устройство, немедленно появлялось желание разобраться, как оно работает. Но сейчас устройство не было ничьей безделушкой, оставленной в клубной комнате. Виктор даже хотел произнести это вслух, но слова почему-то не нашлись.

Михаил достал дневник и, опершись на колено, попробовал сделать набросок. Рукавицы мешали, карандаш сколь-

зил, тонкие линии никак не складывались в знакомую форму. Костя снова посмотрел в видоискатель. Если зайти под навес сбоку, можно было снять саму полку крупнее, без бликов. Он сделал осторожный шаг к валуну, присел, чтобы не задеть крышу, и попросил Михаила немного отойти. Тот поднялся, но вместо того чтобы уступить место, с досадой посмотрел на неудачный рисунок. В его воображении уже возникла будущая встреча в Каменске: он показывает друзьям странную вещь, пытается объяснить, что видел, а на бумаге — две кривые черты, похожие на сломанную вилку. Эта нелепая боязнь показаться неточным оказалась сильнее вполне разумного желания уйти.

— Я только поверну её к свету, — сказал он. — И положу обратно.

Он произнёс это негромко; обещание предназначалось скорее ему самому, чем остальным. Костя, занятый аппаратом, не сразу понял, что Михаил имеет в виду. Лида обернулась на шорох рукава — и увидела, как тот снимает с полки тёмную пластину. Кожаный шнурок потянул за собой несколько мелких кусочков коры; один упал на снег. Металл лежал в ладони легче, чем Михаил ожидал. На обратной стороне виднелись три короткие насечки и маленькая вмятина у края, как от старого удара.

— Миша, положи, — сказала Лида.

— Сейчас, я только...

— Положи.

Он не ожидал от неё такого тона. Нина, стоявшая у входа на площадку, тоже обернулась. Михаил хотел ответить, что никому не причиняет вреда, но в этот миг Костя поднял аппарат: в боковом свете на пластине наконец проявился рельеф, которого он добивался. Механически, не раздумывая, фотограф поймал в видоискатель Мишину ладонь на фоне светлого снега и нажал на спуск. Получилось почти бесшумно — короткий щелчок, за которым последовал сухой ход рычажка перевода плёнки. Лида посмотрела на Костю с таким выражением, что тот почувствовал себя школьником, пойманным за чужой партой.

— Вы оба меня слышите? — спросила она.

— Да слышим, — сказал Костя. — Это всего один кадр.

— Дело не в кадре.

Михаил осторожно положил пластину на край доски. Не на прежнее место — он уже не помнил, как именно проходил шнурок между фигурками, — но совсем рядом. Металл скользнул по гладкой древесине и остановился у небольшой щели. Михаил потянулся поправить его, задев локтем широкую берестяную полосу под крышей. Сверху посыпалась снежная пыль. Кто-то из ребят, кажется Елена, предупредительно вскрикнул. Костя отступил, его лыжа задела основание одной из подпорок, и та чуть заметно качнулась. Само по себе это движение ничего бы не решило: старые жерди выдерживали куда большую тяжесть. Но с нависающего сучка соскользнул плотный ком снега, собравшийся за долгую

зиму, и с тяжёлым глухим ударом рухнул на крышу.

Всё произошло за несколько секунд. Доски прогнулись; из-под одной вылетел иссохший деревянный клин. Крыша пошла вниз правым краем, осыпая людей снегом и мелкой трухой. Павел, стоявший ближе остальных, инстинктивно подхватил жердь плечом, не давая ей свалиться на Мишу. Елена ухватила Лиду за локоть и оттащила от полки. Костя отскочил вместе с фотоаппаратом, поскользнулся на скрытом под снегом корне и сел прямо в сугроб. С полки покатились фигурки. Одна упала в неглубокую ямку, другая осталась на доске. Пластина соскользнула за камень и скрылась из виду. Звук падения был такой непривычный, такой громкий среди прежней тишины, что Елена на миг решила: под ними провалился лёд.

— В сторону! — крикнул Сергей.

Он подхватил второй конец перекосившейся жерди, помог Павлу удержать крышу, а Нина, не тратя времени на вопросы, вынула лыжную палку и подсунула её под край доски, чтобы освободить руки. Андрей был рядом прежде, чем пыль осела. Он быстро оценил положение, велел всем отойти от навеса и спросил, не ушибло ли кого. Павел выдавил, что жив, только плечо упёрлось не в ту сторону, в какую хотелось бы. Сергей осторожно принял на себя вес жерди. Вместе они опустили её на каменную опору, чтобы сооружение больше не висело над людьми. Костя поднялся, отряхивая колени; его фотоаппарат уцелел, но кожаный ремень был весь в сне-

гу. Елена, отдышавшись, вдруг рассмеялась — не от веселья, а от странного облегчения, когда беда уже случилась и оказалась меньше, чем могла быть. Смех быстро оборвался.

— Все целы? — повторил Белов.

— Все, — ответила Лида и тут же посмотрела на Павла.

— Покажи плечо.

— Потом. Тут надо сначала...

— Ничего здесь больше не надо, — перебил Андрей. —

Отходим.

Его голос не был громким, однако Михаилу показалось, что все деревья вокруг услышали эти слова. Андрей обвёл взглядом покосившийся навес, опустевшее место на полке и тонкую полоску свежего дерева там, где выломался клин. Он не рассердился, по крайней мере не сразу; это было хуже. На лице появилось выражение человека, который ещё минуту назад отвечал за движение группы по карте, а теперь внезапно должен объяснить, почему на чужом месте памяти остались следы их неуклюжести.

— Я же сказал не трогать, — произнёс он наконец.

— Я только хотел рассмотреть, — ответил Михаил.

— Рассмотрел?

Вопрос прозвучал грубее, чем Андрей собирался. Белов заметил собственную резкость, однако извиняться не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.